

Сесилия Витс Джемисон

ЛЕДИ ДЖЕЙН

Беверли Клири

РАМОНА ХУАНГАНКА

Поль Берна

ЛОШАДЬ БЕЗ ГОЛОВЫ

Поль Берна Лошадь без головы

OCR – dauphin

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158609

Леди Джейн. Рамона хулиганка. Лошадь без головы: Педагогика-Пресс;

Москва; 1995

ISBN 5-7155-0702-2

Оригинал: *"Lady Jane. Ramona the pest. Le cheval sans tete."*

Перевод:

Е. Воейкова

Аннотация

Захватывающая детективная история известного французского писателя Поля Берна. Главными героями его романа стали ребята из небольшого французского городка и их любимая игрушка - деревянная лошадка.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	47
Глава 4	67
Глава 5	91
Глава 6	109
Глава 7	126
Глава 8	138
Глава 9	151

Поль Берна

Лошадь без головы

Глава 1

ЧУДЕСНЫЙ ЧЕТВЕРГ

Вся компания собралась, как обычно, под предводительством Габи на верхнем конце холмистой улицы Маленьких Бедняков, перед домом, где жил Фернан Дуэн. Десять ребят садились по очереди на лошадь без головы и мчались вниз. А внизу проходила дорога Черной Коровы. Тут всадник соскакивал наземь и, ведя лошадь за собой, быстро возвращался к товарищам. Те ждали его с нетерпением.

Однажды маленькая собачница Марион, спускаясь этак на лошади, сшибла какого-то старика. С тех пор было решено ставить внизу малыша Бонбона: он задерживал прохожих и предупреждал товарищей, когда приближался транспорт. Лошадь катилась на своих трех железных колесах со страшным шумом. Это бывало чудесно! Чем ближе к дороге Черной Коровы, тем опаснее. Но именно это и придавало всему катанию особую прелесть. Внизу, у самого спуска, лошадь неожиданно взлетала на небольшой бугорок и с разбегу падала прямо на откос участка Пеке, позади которого начинались голые, серые поля.

Две секунды всаднику казалось, что он летит по воздуху. Если вовремя не затормозить пятками, то сразу кубарем – и хлоп со всего размаха о мостовую. У ребят это называ-

лось «спланировать». Каждый раз, когда лошадь падала, ее пустые бока ударялись о камни и издавали глухой звук. Туго ей приходилось, этой бедной лошадке!

Вот уже год, как она принадлежала Фернану. Один старьевщик из квартала Бакюс уступил ее отцу Фернана за три пачки табака.

Утром, в день Рождества, Фернан проснулся и увидел рядом со своими башмаками лошадь. Целых пять минут он не мог произнести ни слова: парень онемел от восторга. Хотя восторгаться, собственно говоря, было нечем: у лошади уже и тогда не было головы.

Морда, которую смастерил из картона отец Фернана, не продержалась и двух дней. Марион сломала ее в первое же свое катание: она со всего разгона налетела на тележку старика Мазюрье, торговца углем с улицы Сесиль.

Лошадь свалилась в канаву. У нее здорово пострадали передние ноги. А задние были совсем переломаны. О хвосте и говорить нечего – хвоста никогда не было. Было только туловище – серое в яблоках, с маленьким коричневым седлом, нарисованным на спине. Но краска облезла. Разумеется, у этого старого трехколесного рысака не было также ни педалей, ни цепи. Но ведь так не бывает, чтобы имелось все. В таком виде старьевщик ее и продал.

И все же эта лошадка неслась на своих трех колесах вниз по улице Маленьких Бедняков, прямо-таки как зебра какая-нибудь.

Завистники с улицы Ферран уверяли, что этот обрубок можно с таким же успехом называть не только лошадью, но и ослом и даже поросенком. И лучше всего поросенком. Завистники говорили, что ковбоям с улицы Маленьких Бедняков нечего задаваться своей безголовой свиньей, что рано или поздно они сломают собственные головы и что так им и следует.

Надо сознаться, что первое время дрессировка безголовой лошади давалась довольно-таки трудно. Фернан сильно разбил колено о забор пакгауза Сезара Аравана, а Марион оставила два зуба в туннеле Понсо. Было очень больно. Но колено зажило через три дня, а новые зубы выросли через две недели.

Лошадь продолжала мчаться и мчалась отлично, как и надо было ожидать от лошадки, живущей в железнодорожном поселке, где все здоровые мужчины только тем и заняты, что заставляют мчаться поезда.

И наконец, именно благодаря лошади Фернану удалось добиться того, чтобы в компанию была принята Марион. А компания, где вожаком был Габи, считалась самой недоступной из всех тайных организаций на Лювиньи-Сортировочной.

После долгих и трудных переговоров было решено пользоваться лошадью один раз в день; и каждый будет иметь право прокатиться не больше двух раз, чтобы не переутомлять ее. Считали, что даже при такой небольшой нагрузке

лошадка долго не протянет – самое большое до Пасхи. Однако, несмотря на страшнейшие испытания, лошадь держалась и продолжала во весь опор носиться по улице Маленьких Бедняков. Габи, проделывавший весь спуск без торможения, довел свой рекорд до тридцати пяти секунд.

Занятие этим редким и рискованным спортом сильно укрепило дружбу, которая и раньше объединяла всю компанию. Габи сознательно ограничил число членов и не принимал никого старше двенадцати лет. Он утверждал, что, «достигнув двенадцати лет, человек становится круглым дураком, и еще хорошо, если не на всю жизнь». Скверно было то, что предельный возраст подкрадывался и к самому Габи, и парень втайне мечтал продлить его до четырнадцати лет, чтобы получить маленькую отсрочку.

Под насмешливыми взглядами товарищей начал спускаться с горы Татав, старший брат малыша Бонбона.

– Он тяжелый – ему нельзя позволить спускаться больше одного раза, – заметила Марион. – Когда-нибудь этот толстяк совсем раздавит лошадку и погнет колеса.

Внизу, метрах в пятидесяти, стоял Бонбон и смотрел, что делается на улице Сесиль. Вот он помахал обеими руками, – значит, путь свободен. Татав промчался метеором, держась за ржавый руль.

– Он большой и тяжелый, и никогда он не проедет лучше, чем Габи, – сказал испанец Жуан, пожимая плечами. – К то-

му же у Татава поджилки трясутся: он начинает тормозить за двадцать метров от Черной Коровы... Когда-нибудь надо будет привязать ему ноги к рулю и так спустить вниз...

Улица Маленьких Бедняков описывала в своем нижнем конце длинную петлю. Ребята ждали. Ждать пришлось недолго. Они услышали громкий звон разбитого стекла, пронзительные крики, град ругательств и отчетливые, сухие звуки шлепков.

– Так и есть! Татав на кого-то налетел! – проворчал Габи, стиснув зубы. – Этого толстяка посади верхом на тюфяк, он все равно что-нибудь натворит!

– Пойдем посмотрим, – предложил Фернан, обеспокоенный судьбой лошади.

– Внизу остались Зидор и Мели, – сказала Марион. – Они и без нас помогут ему...

Габи машинально огляделся: кроме собачницы Марион, Фернана и Жуана здесь были Берта Гедеон и негритенок Крикэ Лярикэ из Бакюса.

– А все-таки дойдем до улицы Сесиль, – сказал Фернан. – Нельзя их оставить одних: а вдруг там беда...

Дойдя до перекрестка, они увидели, как из-за угла медленно выходили Зидор и Мели. Зидор Леш тащил за руль несчастную лошадь, которая передвигалась уже только на двух колесах. Весь красный от волнения, Татав шел рядом с ним, немного прихрамывая; у него в руках было третье колесо. Амели Бабен замыкала шествие и беззвучно посмеива-

лась, растянув рот до ушей. Время от времени она оборачивалась и смотрела вниз, на улицу Маленьких Бедняков, где чей-то голос продолжал надсаживаться от крика.

– У него привычка тормозить когда не надо! Неудивительно, что он напоролся на неприятность! – крикнул Зидор, подойдя ближе. – Папаша Зигон вез свою тележку с бутылками, а Татав как раз и вылетел из-за поворота. Я стою, не двигаюсь – знаю, что у него достаточно времени, чтобы проскочить. Но не тут-то было! Татав круто тормозит обоими задними колесами и – трах! – прямо в тележку.

Мели ликовала. Ее худенькое личико было обвязано черным платком, из-под которого виднелась аккуратно расчесанная светлая челка.

– Ох, и спланировал наш Татав! Ох, и спланировал! – восторгалась она. – Он бомбой пролетел через колючую проволоку Пеке. Ей-богу! Папаша Зигон только глаза вылупил!

– Старика-то не ушибли? – спросил Габи.

– Нет, но ему разбили две дюжины бутылок, и он ругается.

– Принесем ему пять дюжин завтра вечером, – сказала Марион. – Их там до черта, в яме за пакгаузом. Никто этого места не знает.

У Татава был глубокий порез под левым коленом и штаны перепачканы в желтой глине.

– А, чтоб тебе, чтоб тебе!... – растерянно повторял он.

Наконец, он с жалким видом протянул колесо Фернану, а все остальные стали осматривать лошадь.

Фифи, любимая собачка Марион, недоверчиво обнюхивала картонный остов и серый, покрытый длинными шрамами живот.

– Ну, кажется, на этот раз дело плохо, – заявил удрученный Габи. – Вилка сломана начисто, оба конца... Неплохо ты поработал, Татав!

Татав опустил свою большую рыжую голову и засопел.

Ребята были подавлены и точно лишились дара слова. У Фернана было тяжело на душе. Его лошадка! Другой такой не найти! Марион положила руку Фернану на плечо.

– Твой отец, может быть, сумеет ее починить? – тихо сказала она. – Еще раз...

– Не знаю, – отозвался Фернан, покачав головой. – Вилка сломана, понимаешь? Большая поломка! Малыш Бонбон проливал горькие слезы.

– Всегда, всегда так! – жаловался он. – Как только приходит моя очередь прокатиться, так лошадь и ломают...

Габи участливо наклонился к самому младшему члену компании и глухим голосом сказал ему:

– Не плачь, Бонбон! В следующий раз ты прокатишься три раза вместо двух.

– Ну да! Не будет никакого следующего раза, – пролепетал Бонбон, обливаясь слезами. – Лошади-то ведь нет!... На куски поломали.

Татав виновато втянул голову в плечи.

– Когда я увидел слева старика Зигона, я круто затормо-

зил! – с отчаянием объяснял он. – Всякий бы так сделал.

– Ну да! Ты затормозил и прямо в него и угодил. Не могло быть иначе! – насмеялся Габи. – Тормозить-то вот и не надо было!

Все смеялись, кроме Фернана и Марион. Фернан взял колесо и руль и медленно побрел домой, волоча за собой лошадь. Остальные следовали за ним на расстоянии, держа руки в карманах и обсуждая происшествие.

Кроме этих десяти ребят и нескольких кошек, перебежавших от двери к двери, в этот туманный предвечерний час на улице Маленьких Бедняков никого больше не было. Все взрослые мужчины находились на путях, в пакгаузах, в будках стрелочников или в мастерских. Женщины были на поденной работе в богатых домах Нового квартала или на Вокзальной площади, на базаре, который по четвергам бывал открыт до вечера.

Фернан осторожно прислонил лошадь к ограде и вернулся к друзьям.

– Я ее пока оставлю здесь, – сказал он. – Папа сразу увидит, когда придет. Если вилку можно починить, он починит...

– А что мы пока будем делать? – обратился к остальным Зидор. – Ведь всего четыре часа.

– Можно пойти на базар, – предложил Габи. – Я бы поел чего-нибудь.

Они повернулись к Марион: она была казначеем. Марион

пошарила в карманах своего пальтишка, перешитого из старой мужской куртки. Кроме пальто на ней была коротенькая серая юбчонка, из-под которой торчали длинные, худые ноги, прямые, как палки.

– Денег как раз хватает, чтобы купить по одному «поляку» на каждого, – заявила она, пересчитав свои медяки. – Да и то, если мадам Машерель не потребует двадцати франков старого долга...

– Надо попросту послать кого-нибудь другого, – подал мысль Габи. – Негра она не знает: он в тех местах никогда не шляется... Сбегай-ка, Крикэ, мы тебя будем ждать у вокзала.

Негритенок помчался по улице Союзников, подбрасывая монетки на ладони. Он гордился своим поручением.

Булочная Машерель изготавливала кроме пирожков некое подобие пудинга, очень черного и клейкого, и продавала по десяти франков за кусок: это и были знаменитые «поляки». Цена высокая, но приторно-сладкое тесто тяжело ложилось на желудок и усыпляло голод.

Компания медленно пересекла сквер Освобождения – небольшую площадку пожелтевшего газона, обсаженную редким бересклетом. Впереди шли Габи с Зидором и Жуаном. За ними следовали Татав, Фернан и Бонбон. Еле волоча ноги, обиженный малыш слушал старшего брата, который в четвертый раз повторял историю о том, как он затормозил, увидев слева старика Зигона. Три девочки шли вприпрыжку сзади и весело пересмеивались, несмотря на то, что день был

холодный и тоскливый.

Фифи перебегала от одной группы к другой, надеясь на ласку или дружеское слово. Это была маленькая желтенькая короткошерстная левретка с длинным, тонким, крысиным хвостом. Марион нашла ее, как и всех прочих своих собак, за огородами. Когда-то на этом месте были пруды, но они высохли и покрылись зарослями, густыми, как джунгли. Из всех окрестностей и даже из Парижа сюда привозили больных, искалеченных, умирающих собак и оставляли на произвол судьбы. А Марион их подбирала, вылечивала и потом раздавала железнодорожникам. Но никогда она не расставалась со своими питомцами так просто: она дрессировала их, и собаки становились ее преданными друзьями. Они всегда безошибочно узнавали ее негромкий, особенный свист и бежали к ней.

Можно сказать, что не меньше половины собак, живших в этом железнодорожном поселке, прошли через руки Марион. И стоило ей показаться, например, в Бакюсе, как за ней увязывалась целая ватага псов, радостно вилявших хвостами. На ее попечении всегда бывало не меньше двенадцати больных собак одновременно. Она кормила их сухими корками и всякими отбросами, которые собирала у лавочников. Всю свою кривоногую шелудивую свору она призревала в саду, в самой глубине, в ящиках из-под мыла. Это было немного похоже на крольчатник. Мадам Фабер, мать Марион, только пожимала плечами и поднимала глаза к небу, но мешать

добрым делам своей дочери все же не решалась.

Компания была уже у самой площади, когда Габи обернулся и подмигнул остальным.

– Рубло здесь! – сказал он. – Я слышу его голос...

Все прибавили шаг.

Базар занимал всю площадь и захватил даже часть улицы Союзников.

Было туманно, и многие торговцы зажгли ацетиленовые лампочки. Пятна белого или золотистого света, падая на шумную толпу, придавали базару праздничный вид. Мощное пыхтение маневрирующих паровозов постоянно доносилось со стороны станции. По временам со скоростью девяносто километров в час проносился курьерский, и тогда от грохота сотрясался весь поселок.

Ребята затесались в толпу. Рубло со своим лотком расположился, как всегда, в другом конце площади, под розовыми фонарями кафе «Паризьен». Он надсаживал глотку, зазывая покупателей, но никто как будто не интересовался его машинками для чистки овощей. Это был противный субъект, с толстым желтым лицом, на котором были написаны лицемерие и подлость.

Как-то прошлым летом он вдруг стал орать, что Габи у него стащил зажигалку для газа, и Габи здорово влетело от инспектора полиции Синэ. А Габи ничего не брал: он вообще не был на это способен, и в его компании никогда не было воров. Чтобы покончить с этим делом, отец Габи, госпо-

дин Жуа, который работал в депо механиком и весил не менее двухсот фунтов, пришел в следующий четверг на базар и при всех пригрозил Рубло обоими своими кулачищами. Этого было достаточно.

С тех пор каждый раз, когда Рубло приезжал со своим товаром в Лювиньи, Габи не отказывал себе в удовольствии прийти на базар со всей компанией поиздеваться над ним. Кроме того, было просто забавно послушать, как он зазывает покупателей. Щегольской вид торговца вызывал у покупателей подозрения.

Рубло внезапно увидел ребят, подходивших к его лотку.

– Наконец-то! Вот она, моя молодая публика! – закричал он притворно-добродушным тоном. – Вот они идут, ненастоящие знатоки! Они ничего не покупают, но они умеют ценить чудеса домашней техники. Становитесь полукругом, ребята! Не слишком близко только... Вот так! Я вам покажу мельницу Франсфикс, единственную в своем роде, неповторимую мельницу Франсфикс, совершенно незаменимую в хозяйстве. Это одновременно давилка для картофельного пюре, терка для сыра, резалка для овощей, мясорубка, ступка и дробилка. Ею можно пользоваться как угодно. Фабрикант специально направил меня сюда, чтобы я мог снабдить население этим чудом точной механики! Смотрите! Вот я беру морковку и начинаю...

Бонбон и Берта встали на цыпочки, чтобы лучше видеть.

– Он ничего не продаст, – насмешливо прошептала Мари-

он. – Его машинки работают всего один раз. На другой день они годятся только для мусорного ящика.

– Он никогда ничего не продает, – согласился Габи, – или очень мало. Впрочем, ему на это наплевать! Похоже, у него здесь какие-то другие дела...

Фернан с удивлением обернулся к Габи.

– Какие дела? – спросил он.

– Не знаю, – ответил Габи с усмешкой. – Много есть людей, которые для вида чем-то торгуют, а потихоньку занимаются разными темными делишками.

Крикэ прибежал, запыхавшись, и принес десять «поляков», тщательно завернутых в лист шелковистой бумаги. Все столпились вокруг него. Габи занялся дележом. Он дал самые большие куски Бонбону и Крикэ, а самый маленький Татаву – пусть знает, как ломать лошадь. Потом все начали с увлечением жевать, не спуская глаз с порхающих рук Рубло, который уже успел превратить в кашу сырую морковь, картофелину, луковицу, яблоко, апельсин и кусочек сыра. Ужасная смесь!

Габи проглотил последний кусок, облилизал пальцы и тихо подтолкнул Фернана локтем.

– Видел? – спросил он шепотом.

Фернан кивнул головой: он видел. Марион наклонилась, чтобы дать кусок своего «поляка» Фифи. Выпрямившись, она тоже увидела то, что поразило обоих мальчиков.

Рубло продолжал лихо демонстрировать свой товар; его

неутомимый язык не переставал болтать, руки уверенно проделывали ряд движений: отвинчивали, привинчивали и молотили с невиданной быстротой. Но мысли его были далеко. Его желтая толстая физиономия была слегка повернута вправо, где виднелись черные строения вокзала. Не умолкая ни на минуту, он всматривался в них с напряжением, которое придавало его маленьким черным глазкам особый тревожный блеск.

Габи укрылся за спиной Татава и тоже незаметно повернулся в ту сторону. Оба ряда лавочек, загородивших этот угол площади, были полны народа, и с первого взгляда трудно было разобрать, что именно взволновало Рубло.

Вдруг Габи взглянул на безлюдную часть площади. Здесь появились прохожие: это были сменившиеся рабочие депо, жители квартала Ферран, докеры-арабы из Малого Лювиньи и среди них высокий, худощавый человек в засаленной шляпе и военной шинели бутылочно-зеленого цвета – инспектор полиции Синэ.

Габи следил за зеленой шинелью. Она то появлялась, то исчезала среди базарных барачков. Потом Габи показалось, что инспектор ускорил шаг, как будто шел по чьим-то следам. У Габи были хорошие глаза – ему удалось заметить, что инспектор Синэ следит за человеком высокого роста, одетым в синюю рабочую блузу, каких на Сортировочной можно сотнями видеть в любой час дня и ночи. Один за другим они оба вышли из толпы и исчезли в темноте. Больше Габи

ничего не видел.

Он обернулся к Рубло, тот продолжал разглагольствовать. Какая-то женщина и пятеро ребятишек присоединились к компании. Торговец стоял весь в поту, сдвинув шляпу на затылок. Марион не заметила ни Синэ, ни человека в синей блузе, бродившего вокруг базара. Но ее пронизательный взгляд заметил кое-что другое.

– Рубло чего-то боится! – прошептала она.

Это была мелочь – из тех, каким обычно не придают никакого значения, даже если случайно и обратят на них внимание. Через несколько секунд о них уже не думают. Однако не всегда можно их понять и объяснить.

Рубло продолжал трещать, но все больше производил впечатление человека, который чего-то страшно испугался.

– Ни фига вся эта машинка не стоит! – громко и уверенно заявил малыш Бонбон.

Все рассмеялись. Впечатление, которое произвела трескотня торговца, рассеялось. Публика стала расходиться. Габби увел свою компанию к витрине с чулками, фуфайками и шапками.

По дороге Фернан машинально обернулся.

– В чем дело? – спросила Марион.

– Рубло исчез! Он бросил весь свой товар и исчез! – воскликнул Фернан.

На углу улицы Союзников Татава и Бонбона окликнула мать. Она несла две сумки с овощами. Оба мальчика нехотя

расстались с компанией.

– Не беспокойся за лошадь! – крикнул Фернан толстяку Татаву.

Становилось поздно. Ночь опускалась быстро, покрывая своим черным плащом улицы и туманные дали железнодорожных путей. Чудесный четверг¹ кончался.

Вскоре ушли Крикэ Лярикэ и Жуан. Берта Гедеон поцеловала обеих подружек и убежала; ушел и Габи, уводя с собой Зидора и Мели. Они все трое жили далеко. Марион осталась с Фернаном.

Мальчик взглянул на часы старой церкви, которая стояла в глубине площади и возвышалась над улицей Маленьких Бедняков.

– Папа уже, наверное, вернулся, – сказал он вполголоса.

Марион свистнула свою собачку. Держась за руки, дети пересекли сквер. Завернув за угол, Фернан сразу увидел, что перед дверью его дома поперек тротуара что-то лежит. Они подошли ближе и широко раскрыли глаза: это была их лошадь.

– Ты бы лучше спрятал ее дома, – посоветовала Марион. Фернан бережно поднял свою несчастную лошадку и поставил ее на задние колеса.

– Должно быть, какой-нибудь прохожий свалил ее, – сказал он грустным голосом. – Эх, досадно! А ведь я ее прислонил к стене, она никому не мешала. Ее все знают, мою ло-

¹ Во Франции выходные дни в школе – воскресенье и четверг.

шадку!

– Есть люди, которые всё ломают просто так, для удовольствия, – заметила Марион. – Осмотри ее хорошенько...

Фернан повертел оба колеса, надавил рукой на седло – всё в порядке.

– Ладно! – сказал он с удовлетворением. – Если папе удастся починить вилку, может быть, в субботу или в воскресенье мы опять будем кататься. Папа не подведет!

Подняв голову, он увидел тень, потихоньку приближавшуюся к ним со стороны сквера. В желтом свете фонаря Фернан узнал Рубло. Шляпа была у него спущена на глаза, пальто расстегнуто. Он остановился как вкопанный и, видимо, растерялся, увидев детей.

– Что вам здесь надо? – сердито спросил его Фернан. – Это наша улица...

Рубло не ответил. Он подошел еще ближе и стал обходить ребят, как будто намереваясь прижать их к стене. Поняв это, Марион засунула два пальца в рот и издала пронзительный свист, который долго еще отдавался в безлюдном квартале.

Рубло с ужасом увидел, как из глубины улицы, точно по волшебству, появились три громадные, лохматые, необычайно уродливые собаки. Они мчались прямо на него, молча, без лая. Их внезапное появление было похоже на страшный сон. Рубло живо повернулся и со всех ног бросился бежать в сторону сквера. Марион расхохоталась.

Три собаки пробежали мимо нее. Это были датский дог

Цезарь, легавая Гуго и овчарка Фриц – три самые противные собаки во всем квартале, бывшие пациенты ветеринарной лечебницы Марион на улице Маленьких Бедняков. Марион щелкнула языком. Собаки немедленно прекратили преследование Рубло и, виляя хвостами, выстроились у ноги девочки, как и подобает хорошо дрессированным собачкам. Фернан держался за бока.

– Это еще что! – заметила Марион. – А вот стоит мне свистнуть, когда я бываю в квартале Бакюс, как тут же их прибегает не меньше полусотни. Собаки не забывают...

Она погладила своих громадных псов. А те полюбезничали с Фифи, подняли задние ножки у стены и ушли по домам, куда-то в конец улицы Сесиль.

– Хочешь, я немного побуду с тобой? – предложила Марион. – Мама, правда, ждет меня, но пять минут...

– Не стоит, – ответил Фернан, поглядывая в сторону вокзала. – Папа должен скоро прийти.

– А если тот вернется?

– Ну, что ты! Он трус...

– Хотела бы я знать, что ему от нас нужно было?... – встревоженно пробормотала Марион.

– Бывают такие люди. Они способны взбеситься из-за любого пустяка, – сказал Фернан. – Должно быть, Рубло разозлился на нас из-за Бонбона... Иди, Марион! Не задерживайся.

Марион поцеловала своего приятеля в щеку и отправи-

лась домой. Фифи семенила впереди. Дойдя до улицы Сесиль, Марион обернулась и в последний раз помахала Фернану рукой. Только теперь Фернан считал веселый четверг окончанным.

Вернувшись с работы, его отец увидел, что мальчик сидит, прижавшись к садовой решетке, и держит в руках свою безголовую лошадь.

– Мама стряпает у кого-то в Новом квартале, – сообщил Фернан отцу. – Она вернется только в восемь часов...

– Надо было подождать меня у соседей, а не мерзнуть под дверью, – проворчал отец. – Входи...

Фернан вошел в дом, таща за собой лошадь.

– Ну, что вы делали хорошенького сегодня? – спросил отец.

– Лошадь поломали, – пробормотал мальчик, опустив голову. – Переднее колесо совсем отвалилось...

– Опять! – беззлобно вздохнул мсье Дуэн.

– И, кажется, на этот раз всерьез.

Дуэн зажег в кухне свет и положил свою сумку на стол.

Это был кроткий, добрый человек с немного грустным взглядом и длинными сидящими усами, закрывающими всю нижнюю половину лица.

– Ну что ж, посмотрим! – сказал он, опускаясь на стул.

Мальчик подтолкнул лошадь, и она задом вошла в кухню. Колеса никогда не смазывались и потому отчаянно скрипели. Дуэн стал осматривать повреждения.

– Фу, черт, вилка сломана! – воскликнул он.

Фернан горестно развел руками. Отец снова вздохнул, зажал руль между колен, внимательно осмотрел сломанную вилку и умелой, опытной рукой рабочего ощупал концы.

– Ничего не поделаешь, – заявил он. – Простая спайка долго не продержится, вы только разобьете себе мордашки!

Фернан тихо заплакал. Слезы текли по его щекам и падали на блестящий плиточный пол. Отец искоса взглянул на сына и тихонько положил руль на край стола.

– Не плачь, сынок, – сказал он хриплым голосом. – Завтра утром по дороге на работу я найду в мастерскую службы тяги. Мой приятель Росси в свободную минутку сделает нам новую вилку. Ему это ничего не стоит... Досадно только, что старую невозможно вытащить. Придется ее распиливать на месте, и все товарищи поднимут меня на смех, когда я появлюсь с этой клячей под мышкой...

– Можно бы отвинтить оба колеса, – посоветовал Фернан, улыбаясь сквозь слезы. – Все-таки легче будет нести. У нее уже и так головы нет, а когда и колес не будет, то чего же тут смеяться...

Худенькая белокурая мадам Дуэн вернулась в половине девятого очень уставшая, но, как всегда, довольная. Она рассмеялась, увидев мужа и сына сидящими на полу и занятыми лошадью.

– Я уже все знаю, – сказала она. – Мама Зидора рассказала мне по дороге. Говорят, у Татава искры из глаз посыпались!

Вот увидите, вы себе когда-нибудь головы расшибете...

– Оставь их! – ответил отец. – Надо же детишкам побаловаться! Если не теперь, то когда? В двенадцать лет поздно будет.

Он отцепил оба колеса и выставил лошадь в переднюю. Потом он стал что-то насвистывать и тщательно мыть руки под краном. Жена обернулась.

– А сам-то ты много баловался тридцать лет назад, когда жил в бараке? – со смехом спросила она.

– Я-то нет... – ответил Дуэн. – Но что из того?

Глава 2

ПРОЩАЙ, ЛОШАДКА!

Марион жила с матерью в самом конце улицы Маленьких Бедняков, в ветхом домике, один фасад которого смотрел на дорогу Черной Коровы.

Никто в точности не знал, откуда взялось странное название этой дороги. Марион, например, считала, что на черную корову похож только старый, отслуживший и заброшенный паровоз, который уже лет тридцать ржавел на запасных путях Сортировочной. Все рельсы были здесь давно убраны. Над унылыми железнодорожными путями возвышался один только этот старый паровоз. Под ним еще лежали два куска рельсов, но и те почти целиком ушли в глину. Летом, на солнце, он был красновато-коричневым и казался странным на этом лугу, как гиппопотам среди ромашек. Зато под дождем он действительно становился черным и на фоне свинцового неба имел довольно-таки мрачный и даже угрожающий вид.

Осенью и зимой, когда бушевали бури, его разбитый старый котел издавал жалобный вой, и ему подвывали двенадцать собак маленькой Марион.

На следующий день после школы Габриел повел самых сильных из своей компании на пустырь, лежавший вблизи пак-

гаузов фирмы Сезара Аравана. Среди старых, почти развалившихся деревянных вагонов там валялись кучи ржавого железа, обгорелые шпалы, искривленные рельсы, – словом, это было свалочное место. Марион хорошо знала здесь каждый уголок. Она повела своих друзей прямо к последнему вагону. Там лежало множество пустых бутылок.

Ребята выстроились цепочкой и быстро сложили пятьдесят штук в детскую коляску, которую для этой цели привезла Берта. Потом Габи вместе с Фернаном и Зидором пошли в Бакюс. Коляску толкали все трое по очереди.

Папаша Зигон обомлел, когда ребята ввалились в его жалкую лачугу с таким грузом. Он уже все забыл. Главное, у него, видимо, имелись не только пустые бутылки, и он успел изрядно хлебнуть из них.

По дороге домой мальчики сделали крюк и пошли через вокзал – просто веселья ради.

– И ведь неважная была лошаденка, – задумчиво сказал Габи. – Картон и три колеса. А вот нет ее, и со вчерашнего дня стало пусто... Как ты думаешь, твой отец выполнит свое обещание?

– Во всяком случае, сегодня утром, уходя на работу, он взял лошадь с собой, – ответил Фернан. – Мсье Росси, конечно, ее починит. У него есть все, что для этого нужно. Но придется подождать – вряд ли она будет готова к воскресенью.

– Что же мы пока будем делать? – заныл Зидор. Он был

удручен.

– В «Эдеме» идет цветной ковбойский фильм, – сказал Фернан. – Мели видела снимки по дороге в школу. Мировая картина!

– Дорого, – вздохнул Габи. – У Жуана и негра никогда нет ни гроша. Они не виноваты, но приходится платить за них. А у нас в кассе пусто.

– Марион все устроит, – ответил Фернан.

В кафе было много народу. Проходя мимо, Габи заглянул в зеркальное окно.

– Не часто Рубло шатается здесь в такой день, когда нет базара, – внезапно сказал он друзьям. – Посмотрите-ка...

Торговец сидел в глубине зала с двумя неизвестными в меховых канадских куртках, которые что-то ему говорили, наклонившись через стол. Они почти касались друг друга шляпами. Видимо, разговор был захватывающе интересный.

Фернан обернулся, услышав позади себя торопливые шаги. В ярком свете кафе внезапно появилась бутылочно-зеленая шинель инспектора Синэ. Зидор и Габи подтолкнули друг друга: на левой скуле Синэ была полоска ярко-розового липкого пластыря. Она забавно выделялась на его землистом лице. Синэ не заметил ребят и не проявил интереса к посетителям кафе. Вскоре он исчез в темноте улиц.

– Здоровая у него ссадина! – усмехнулся Габи. – И совсем свежая...

– А он как будто очень доволен собой, – с удивлением за-

метил Зидор.

– Помнишь вчерашний вечер? – спросил Габи. – Синэ шел по пятам за каким-то человеком между вокзалом и сквером Освобождения. Что-то там произошло... Но что именно?

Отец Фернана пришел с работы около восьми вечера. Он пришел с пустыми руками. Фернан ничего не ждал, он только молча глянул. Отец покачал головой.

– Я видел Росси, – сказал он, как бы оправдываясь. – Ведь он починит вам лошадь бесплатно – я не могу его торопить.

Всю субботу шел проливной дождь. После школы Фернан попрощался с товарищами и сразу пошел домой: в такую собачью погоду нечего делать на улице. А Марион побежала в своем промокшем плаще с одной улицы на другую, стараясь как-нибудь сколотить пятьсот франков, чтобы компания могла в воскресенье пойти в кино. Когда выскребли из карманов всё, что там было, то едва набралось двести пятьдесят франков, и Марион дала себе слово во что бы то ни стало раздобыть до вечера недостающую сумму. Но никто не верил в чудеса. Все понимали, что не будет ни лошадки, ни кино.

– А почему бы нам не продать яму с бутылками? – подал мысль Татав. – Папаша Зигон с радостью купит всю партию.

– Не все можно продавать, – недовольным тоном ответила Марион. – Эти бутылки не принадлежат никому и принадлежат всем. Если я их случайно нашла, это еще не значит, что мы можем распорядиться ими, как нам вздумается. На что это будет похоже, если мы продадим старику все бутылки?

Мы дети бедняков, это правда, но мы не дети жуликов!

Ровно в шесть она появилась у Дуэнов. Фернан сидел дома один: мать ушла, и ему было скучно, хоть плачь.

– Есть все пятьсот франков! И даже немного больше, – объявила Марион, спокойно улыбаясь. – Надеюсь, ребята будут довольны. Хотя кино все-таки не заменит лошадки...

– Как это тебе удалось? – полюбопытствовал Фернан.

– Одна старушка дала. В Новом квартале... Ветеринар чуть не отравил ее пекинскую собачку. Он ее пичкал лекарствами. А я два дня поила ее отваром из трав и поставила на ноги. Обычно я ничего не беру за лечение собак, но на этот раз я сделала исключение. Из-за лошадки! Не можем же мы целое воскресенье сидеть и смотреть друг на друга!

Не прошло и пяти минут, как в замке щелкнул ключ: это пришел отец Фернана.

– Готово! – сказал он, подмигнув детям. – Помогите втащить ее в дом...

Дождь перестал. Обмытая мостовая блестела в желтоватом свете фонарей. Улица Маленьких Бедняков всегда бывала особенно оживленна в субботу вечером: шли с работы железнодорожники, было много освещенных окон, много распахнутых дверей, а в маленьком кафе на улице Союзников всегда полно народа до десяти вечера.

Лошадка без головы стояла на своих трех колесах в садике, покрытая мешком из-под угля.

– Росси починил колеса, смазал втулки и выпрямил по-

гнувшиеся спицы, – сообщил отец Фернана. – Замечательная работа! Надо будет его отблагодарить!...

Они втроем втолкнули лошадку в кухню, чтобы полюбоваться ею при свете. Фернан снял мешок и погладил рукой новую вилку. Росси покрыл ее зеленой вагонной краской.

– Можешь теперь кататься! – воскликнул отец. – Выдержит...

Марион схватила тряпку и обтерла туловище лошадки, запачканное угольной пылью, а Фернан поднимал колеса одно за другим, проверяя, как они вертятся. Дуэн смотрел на детей и нервно потирал руки.

– Со мной случилась смешная история! – начал он рассказывать. – Какой-то тип вышел из кафе и вдруг хватает меня за руку и спрашивает, что это я тащу. Я поднимаю мешок и показываю ему лошадку. Тогда он говорит: «Даю тебе за нее пять тысяч франков!» Вначале я подумал, что он шутит, но нет – он, оказывается, не шутил. Он шел за мной до самого сквера и все поднимал цену. Под конец он уже предлагал мне десять тысяч... Я не знал, как и отвязаться от этой скотины.

Дети подняли головы.

– Кто бы это мог быть? – спросил Фернан. – Не Рубло?...

– Нет, это какой-то незнакомый: здоровенный малый, неплохо одетый, только небритый. И он как будто не шутил. Но все-таки десять тысяч франков за эту старую кукушку? Безумие!

Марион и Фернан молча переглянулись – им стало не по

себе. Их радость как-то сразу испарилась. Лошадка, правда, была здесь, опять с ними, но рассказ Дуэна все испортил. Тот заметил расстроенное лицо сына и неправильно все понял.

– Ну хорошо! – проворчал он. – Не надо было тебе это рассказывать. Теперь ты будешь жалеть... Помни, сынок, хорошенько, что твоя лошадка не стоит таких денег. Она ничего не стоит! Ровно ничего!...

– Лошадка моя! – сердито сказал Фернан. – Я не продам ее ни за десять тысяч, ни за двадцать. Пусть он только сунется, этот субъект!

Разумеется, первым прокатился в воскресенье Фернан – он должен был проверить прочность новой вилки.

– Теперь-то она уж не так скоро сломается, – с удовлетворением сказал мальчик. – Лошадь еще никогда так хорошо не бегала.

Погода изменилась к лучшему, сквозь туман пробивалось солнце. Ребята быстро установили очередь, и началось веселое катание. Габи дважды побил собственный рекорд скорости. Бонбону, как и было обещано, дали прокатиться три раза. Девочки бросались вниз, как безумные, волосы их развевались по ветру. На всем протяжении улицы Маленьких Бедняков из окон выглядывали недовольные или смеющиеся лица. Прохожие, которым на мостовой оставалось мало места, быстро вскакивали на узкий тротуар.

– Нажимай! – кричали ребята.

И Татав со своим забинтованным коленом нажимал во-

всю, только пятки терлись о мостовую, чтобы сдержатъ прыть безголовой лошади. И Марион нажимала, хохоча. Ее черный платок развевался и «утирал нос» серому першерону² с завода холодильников «Модерн», когда он появлялся на перекрестке. Кучер орал, а лошадь без головы точно вставала на дыбы; дойдя до подъема, она отрывалась от земли всеми своими тремя колесами сразу и без церемоний сбрасывала всадника на грязную насыпь.

В воскресенье вечером на улице Маленьких Бедняков было очень людно: все возвращались из кафе, из кино и с футбольной площадки. И тут Фернан заметил посторонних. Это были два большеголовых субъекта. Оба были не похожи на местных жителей. Они уже несколько раз спускались по левому тротуару до Черной Коровы и при этом как будто совершенно не интересовались бешеной скачкой лошади без головы. Ребята смеялись и оживленно разговаривали, и никто не обращал внимания на этих прохожих, у которых только и было особенного, что роскошные канадские куртки, подбитые серым кроликом. Вдруг Фернан заметил, что они стоят уже на правом тротуаре, у решетки садика Марион. Половина компании собралась внизу, чтобы встречать тех, кто спускался на лошади с пригорка, а оба незнакомца молча, со злобным видом, не двигаясь с места, наблюдали за детьми.

– Хватит на сегодня! – сказал встревоженный Фернан.

Марион тоже заметила незнакомцев; она настороженно

² Першерон – порода лошадей-тяжеловозов, разводится в округе Перш.

кивнула старшим мальчикам. Тогда Габи заставил малышкой замолчать. Все десять ребят поднялись к дому Дуэнов, тесным кольцом окружив Фернана, который вел лошадь. С помощью Марион и Габи он водворил ее в кухню под ласковым взглядом отца, отдохавшего у печки.

– Ну как, работает? – спросил он Фернана.

– Прекрасно! Как новая! – ответил мальчик и после минутного молчания добавил: – Только неприятно, что какие-то люди стали вертеться вокруг нас. Не нравится мне это...

Отец отложил трубку в сторону:

– Какие люди?

– Вот, посмотри, – сказал Фернан, бесшумно приоткрыв дверь.

Отец подошел и бросил взгляд на улицу. Она уже опустела. Правда, посетители еще входили в кафе и выходили, но остальная часть квартала была пустынна. Двое в канадских куртках медленно поднимались по противоположному тротуару. Они прошли мимо, не оборачиваясь. Дуэн медленно закрыл дверь.

– Десять тысяч за какую-то лошадь без головы! – проворчал он, усаживаясь на свое место. – Что это еще за комбинация? Бывают же чудачки!...

– Это вчерашний? Ты его узнал? – спросил Фернан.

– Я не уверен. Пожалуй, тот, что повыше ростом, но я не уверен. Слишком темно – не видно. Во всяком случае, если

кто-нибудь станет к вам приставать, скажите нам. А ты, Габи, скажешь отцу... Мы не позволим этим негодьям надуть вас...

– Пусть попробуют! – смеясь, сказала Марион.

Незнакомцы подождали до следующего вторника и только тогда встретились с ребятами. Было уже почти пять часов, но небо на западе было ясное, закат окрашивал облака в великолепный пурпур, нежно-розовые тона ложились на улицу Маленьких Бедняков.

Половина компании с большим Габи во главе находилась перед домом Дуэнов, остальные дожидались внизу, на дороге Черной Коровы, испуская восторженные крики каждый раз, когда лошадь показывалась из-за поворота. Маленький Бонбон по обыкновению дежурил на перекрестке. Зидор только что начал второй спуск: он мчался визжа, как поросенок, которого режут. Но вот прошло три минуты, а Зидор не возвращался.

– Что это он там дурака валяет? – заворчал Жуан, с нетерпением ожидавший своей очереди.

Последние два дня все было спокойно, и Габи уже забыл предупреждения Дуэна. Вдруг он спохватился и закричал:

– Идемте! Скорее!...

Все побежали вниз, к спуску. А там Фернан, Зидор и две девочки отбивались от двух субъектов в канадских куртках. Один схватил лошадь за руль и пытался вырвать ее у ребят. Но Берта и Марион крепко вцепились в правое колесо, Зи-

дор и Фернан – в левое, Мели – в обрубки задних ног, и все пятеро орали во всю глотку, поддерживаемые двенадцатью собаками Марион, которые яростно лаяли за садовой оградой. Увидев собак, незнакомец выпустил лошадь из рук.

– Они хотят купить у нас лошадь! – крикнул Фернан товарищам. – А мы... не хотим ее продавать...

– Десять тысяч! – орал тот из незнакомцев, который был повыше ростом. – Это не пустячки! За десять тысяч у вас будет новая лошадь с педалями, с головой, со всем, что полагается!

– Дудки! – грубо возразил Габи. – Таких лошадок, как наша, уже давно не делают. Она принадлежит Фернану. У нас больше нечем играть, понимаете? Она не имеет цены.

– Слышишь, что он говорит, Пепе? – усмехнулся человек, обращаясь к своему спутнику. – Дурачки!...

Тот медленно расстегнул куртку и вытащил толстый бумажник.

– Довольно нести ерунду! – сказал он угрожающим тоном. – Вот деньги! Берите и смывайтесь. Нам нужна эта лошадь!

– Вы ее не получите! – решительно заявил Габи.

Легким толчком Фернан потихоньку подкатил лошадь к решетке. Вдоль тротуара на ее защиту выстроились десять ребят. Их беленькие и смуглые лица были освещены пылающим закатом. Силуэты мрачных широкоплечих, массивных незнакомцев вырисовывались на фоне покрытого газо-

ном откоса. В глубине участка Пеке за этой странной сценой наблюдал ржавый остов Черной Коровы.

– Мы сейчас другим способом заставим тебя понять, в чем дело, – проворчал тот, кто назывался Пепе, и шагнул в сторону Габи.

Мальчик не двигался с места.

Остальные столпились вокруг него. Марион исподтишка смеялась, она уже подносила два пальца ко рту.

– Вы не получите лошади! – уверенно повторил Габи. – Вы ее не получите, даже если будете бить нас. Вас двое здоровенных буйволов, а я вас не боюсь!

Маленькие свиные глазки Пепе заблестели.

– Подожди, парень! Я тебе поддам ногой куда следует, – пробормотал он сквозь зубы.

– А вот и не поддадите! – насмешливо ответил Габи. – Это только папа может себе позволить, да и то он здорово набегаётся по кварталу, пока догонит меня.

Все ребята расхохотались.

– Ну-ка, давай, Красавчик! – обратился Пепе к товарищу. – Давай-ка сначала утрем нос вот этому...

Марион свистнула. Пепе уже было рванулся к Габи, а тот приготовился, сжавшись в комок. Хулиган получил головой в живот: он согнулся вдвое и со стоном рухнул в канаву. Тогда второй, кличка которого была Красавчик, замахнулся на Габи. В этот момент появилась первая собака. Это была Гуго, легавая. Бесшумно, но с бешеной скоростью неслась она

по тенистой стороне откоса и прыгнула Красавчику прямо на плечи. Красавчик взвыл от ужаса и стал дрыгать ногами. Поднявшись, Пепе наскочил на Фрица и Цезаря, которые вылетели из-за угла. Датский дог разинул огромную пасть.

Все три собаки, запыхавшиеся, с блестящими, как раскаленные угли, глазами, принялись рвать на бродягах их канадские куртки, за которые было легко ухватиться зубами. Они сначала вцепились в верхнюю бумажную материю, а потом с аппетитом принялись за подкладку из ватина и серого кролика. Роскошное было угощение! Оба незнакомца катались по земле, защищая головы руками, и отбивались от собак. За решеткой надрывались от лая двенадцать других питомцев Марион.

– Помогите! Помогите! – кричал Красавчик хриплым голосом.

Марион только и ждала этой мольбы, чтобы отозвать больших собак. Те послушно подошли к ней. Гуго еще держал в зубах меховой воротник. У Цезаря в пасти оказался целый рукав. Фриц облизывал залитые кровью губы. Он был самый свирепый из всех, он мог часами подкарауливать одинокого прохожего, чтобы доставить себе удовольствие искушать его. Незнакомцы поднялись на ноги, прерывисто дыша, как тюлени.

– Нам было очень приятно услышать, что вы зовете на помощь, – вежливо проговорил Габи. – Только никогда больше не возвращайтесь сюда!

– Мои собаки не лают! – добавила Марион, щуря свои кошачьи глаза. – Вам ничего не поможет, они нападут на вас. А на лошадку посмотрите хорошенько и проститесь с ней...

Бродяги убирались, прихрамывая.

– Они больше не вернутся... – пробормотал Зидор, провожая их взглядом. – Еще минута – и собаки укусили бы их носы.

– Если они что-то задумали, то непременно вернутся! – убежденно сказал Жуан.

Фернан заинтересовался этим замечанием.

– Да что же в моей лошадке необыкновенного?! – воскликнул он. – Не из золота же она! Ведь развалина!

– А кто ее знает! – продолжал Жуан. – Может быть, в ней есть что-то особенное, чего мы не видим. А они увидели...

Дети начали рассматривать лошадку с новым интересом, как будто эта жалкая игрушка только сейчас попала к ним в руки. Но за это время она не изменилась, новая голова у нее все-таки не выросла. Единственная ее ценность заключалась в том изумительном удовольствии, которое она ежедневно доставляла ребятам. Крикэ Лярикэ нежно поглаживал своими черными ручонками толстое серое туловище.

– Ничего не понимаю, – заявил Габи, покачав головой. – Если бы маленькие хулиганы из квартала Ферран хотели отнять у нас лошадку, еще понятно! Но эти взрослые?

Закат быстро становился лиловым. Темнота залила город, покрывая домики Лювиньи Камбруз, доки, мастерские, же-

лезнодорожные пути, где феерией сверкали разноцветные сигналы. Стало прохладно.

– Пора по домам, – сказала Марион, дрожащая в своей мужской куртке.

Ребята молча поднялись по улице Маленьких Бедняков. Все десятеро сомкнулись вокруг лошадки. Фернан тащил ее за руль, остальные ее поддерживали. Это была общая лошадка.

В тот же вечер Фернан рассказал дома всю историю, не пропустив ни одной подробности.

Отец молчал – он был слишком удивлен. Он машинально оглянулся на стоявшую в глубине кухни лошадку, и ему показалось, что в ней есть что-то таинственное.

– Не лучше ли было бы поговорить об этом с кем-нибудь из полиции, – пробормотал он наконец.

Он этого не сделал. Рассказывали, что инспектор полиции Синэ поймал какую-то крупную «птицу». Это с ним случилось крайне редко. Так что попробуй-ка теперь поговорить с ним о какой-то лошадке, да еще без головы! И кроме того, вмешательство полиции ничего хорошего не даст: Синэ замучает ребят допросами просто так, чтобы себя показать, станет вызывать родителей, а это всегда производит плохое впечатление на соседей. Нет!

Однако Дуэн был настолько обеспокоен, что на следующий день, возвращаясь с работы, завернул в мрачный квартал Бакюс, где находились лачуги старьевщиков.

Старик Бляш при свете керосиновой лампы разбирал свое тряпье. Зимой и летом он носил два пальто, натянутых одно на другое; на уши у него была надвинута позеленевшая от времени шляпа, какие носят служители церкви. У старика была смешная рыже-черная борода, похожая на ежа. Он подстригал ее каждые две недели. Старик был до отвращения грязен, но человек он был добродушный и разговорчивый. Приход Дуэна обрадовал его: он вытащил бутылочку красненького из шкафа, и оба уселись около лампы.

– Я пришел к тебе по поводу этой проклятой лошади, – заговорил Дуэн, смущенно почесывая в затылке.

– По поводу лошади? – спросил изумленный Бляш.

– Ну да! Лошадь на колесиках...

Старьевщик с хохотом откинулся на спинку стула.

– А я не понял! – сказал он. – Я все собираюсь купить лошадь у крестьян в Лювины.

Дуэн рассказал только часть неприятностей, которые свалились на ребят, так как хотел поскорее перейти к единственному вопросу, представлявшему, по его мнению, интерес: откуда взялась эта лошадка?

– Вот теперь, когда ты навел меня на эту мысль, – ответил старьевщик, – я вспоминаю, что лошадь попала ко мне в руки довольно странным образом. Только предупреждаю, это не имеет никакого отношения к истории, приключившейся с твоим мальчиком... Знаешь Зигона, торговца бутылками? В прошлом году, в это же время, он сообщил мне, что на-

конец стали расчищать мусор в Малом Лювиныи – знаешь тот угол, который пострадал во время бомбардировки железнодорожных путей в сорок четвертом году? Там было много всякого хлама, и каждый мог брать что угодно. Вот я и поехал поглядеть, нет ли чего для меня. Но я опоздал. Все, что получше, унесли другие: не оставалось ни одной тряпочки, ни одного кусочка железа. Все же я стал искать. И что же ты думаешь, под грудой обломков я увидел маленькую звериную головку, которая смотрела на меня круглыми глазенками. Я сначала решил, что там собачка спряталась. Беру свой крюк, сдвигаю камни в сторону, и – бац! – голова катится мне под ноги. Это была голова картонной лошадки. Ее начисто срезало, как бритвой! По-видимому, осколком бомбы. Я осторожненько расчистил место и нашел туловище. Оно лежало под грудой мусора. Вот не поверишь, а меня прямо передернуло... «Давай, думаю, пошарю еще немножко и, верно, найду малыша, который на этой лошадке катался». Я как раз кончал вытаскивать колеса, как вдруг появляются каких-то два парня – руки в карманах, рожи мерзкие, глаза противные, жульнические! Один был ростом повыше и говорит мне: «Валяй, валяй! Не стесняйся! Будь как дома! Уходя, положи ключ под коврик!» Но я, знаешь, таких парней не больно испугался. Я его отправил прямо к черту. А он даже не рассердился. «Тебе это может показаться странным, – он мне отвечает, – а ведь лошадка-то раньше была моей, когда дом стоял целый...»

– Ну что бы ты сделал на моем месте, Дуэн? Я ему сразу предложил забрать лошадь и здорово его этим рассмешил. «Ну, что ты! – говорит он. – Не стоит! Теперь она мне уже ни к чему. Я теперь на четырех колесах катаюсь, так оно скорее!» Тут-то я ему и говорю, прямо в глаза: «Я знал всех детишек в Малом Лювиньи. Должно быть, я и тебя знал. Как тебя звать-то?» Что-то не понравился ему мой вопрос. Да и товарищу его тоже. «Занимайся-ка ты лучше своими делами, – говорит он мне. – Забирай лошадь и катись отсюда подальше...» Они ушли по дороге на Понсо, а мне все-таки удалось вспомнить имя этого молодчика. Некий Малляр, его родители содержали кафе „Спорт“ в Малом Лювиньи. У него всегда рот был разинут и морда набок. Можешь мне поверить, с годами мерзавец не похорошел! И вот что я знаю наверняка: его искала полиция по делу о вооруженном грабеже. Он, верно, полагал спрятаться на старом пустыре, а может быть, и еще новое дельце задумал в наших местах. Во всяком случае, он сюда заявился на свою беду.

– А что? – спросил Дуэн.

– А его взяли в прошлый четверг около вокзала. Инспектор Синэ тоже не забыл его!

Дуэн провел рукой по лицу: у него закружилась голова от красного вина и от рассказа старого Бляша. Он уже пожалел, что пришел к старьевщику. Ему всего только и удалось узнать, что ребятишки катаются на картонной лошадке, которая украшала детство закоренелого преступника. Весе-

ленькое открытие!

– А голову-то я для тебя приберегу, – продолжал старьевщик. – Она, верно, здесь где-нибудь валяется, среди барахла...

– Какую голову? – изумился Дуэн.

– Да этой клячки, черт возьми! Я старался как-нибудь ее приклеить, но она не держалась. А все же она твоя, можешь ее взять... Малыш будет рад.

Бляш пошел, пошарил в углу и вернулся с вещью, которую Дуэн сразу узнал, хотя никогда раньше не видел. Ну конечно, это была голова той лошадки! Она была вся белая, немного, впрочем, порыжевшая с правой стороны, с розовыми, широко открытыми ноздрями, с оскаленными зубами, с пристальными, яростно смотревшими глазами и с остатками полусожженной черной гривы. Старьевщик завернул ее в газету и отдал Дуэну, после чего приятели выпили еще по стаканчику и попрощались.

„Вот так история!“ – думал Дуэн, возвращаясь домой и проходя мимо вокзала. Пыхтение паровозов и торопливое мигание сигналов на Сортировочной направили его мысли по привычному руслу. Нет, он никому ничего не скажет, пусть дети продолжают веселиться, как веселились. А что касается незнакомцев, да просто они какие-то сумасшедшие, вот и всё!

На улице Маленьких Бедняков, в кухне у Дуэнов, горел свет. Отец Фернана толкнул дверь и оглядел полутемный

угол комнаты. Лошади на месте не было. Фернана тоже не было.

– Малыш не вернулся? – спросил он жену.

– Еще только семь часов, – ответила та, не оборачиваясь. –

Он, верно, у Габи или Марион...

– А лошадь? – спросил внезапно встревожившийся Дуэн. – Они ее всегда приносят домой, когда начинает смеркаться... Тут что-то неладно.

Его страх передался жене.

– Уже четверть часа, как я дома, – сказала она, кладя на место разливную ложку. – Если бы что-нибудь случилось, соседи бы мне сказали...

– Не уходи никуда. Я сбегая к Фаберам.

Он большими шагами пошел вниз по улице Маленьких Бедняков. У Марион было темно. Все двенадцать собак завыли при приближении Дуэна, но в доме никто не пошевелился. Еще быстрее зашагал он по дороге Черной Коровы и, дойдя до магистрали, свернул влево. Короткая улица Обертен не была освещена. По счастью, в доме Жуа было светло. Войдя, Дуэн увидел, что его товарищ нервно стаскивает с себя синюю рабочую куртку. Детей не было.

– Я ищу Фернана, – пробормотал Дуэн.

– А я ищу Габи... – ответил Жуа, надевая пиджак. – Новости знаешь?

– Какие? – со страхом спросил Дуэн.

– У них украли лошадку!...

Глава 3

ИНСПЕКТОР СИНЭ

До четырех часов дня погода оставалась такой же хорошей, как была накануне; голубые и золотистые просветы в небе придавали участку Пеке обманчиво весенний вид. Когда кончились занятия в школе, небо опять заволокло тучами, северный ветер погнал дым вниз, и Лювиньи незаметно вновь принял туманный зимний вид. В эти часы все десять членов компании Габи особенно сильно ощущали свою тесную дружбу и ценили резвость своей лошадки.

Предоставив Фернану и Зидору вывозить лошадку из дома, Габи разделил остальных членов компании на две группы и послал их обследовать окрестности. Пока девочки побежали вниз осмотреть дорогу Черной Коровы, мальчишки патрулировали около вокзала, по улочкам квартала Ферран и вокруг сквера Освобождения. Ни Марион, ни Татав не нашли ничего подозрительного и, вернувшись, заявили, что можно начинать кататься.

Зидор благополучно спустился два раза подряд и затем отправился вниз пешком. Потом Габи спустил маленького Бонбона. Через три минуты вконец запыхавшийся малыш поднялся, ведя за собой лошадь.

– Ты ничего особенного не видел? – спросил Габи.

– Ни одной кошки! – ответил Бонбон. – Только туман садится на пути – даже дороги не видно.

– Иди вниз к Зидору, – приказал Габи. – Его лучше не оставлять одного. Ты у нас будешь связным.

– Возьми с собой Фифи, – добавила Марион. – Она нам здесь только мешает. Открой ей калитку.

Бонбон и маленькая желтенькая собачка пустились в путь, семена ножками под дружелюбный смех старших.

– Я хоть маленький, но у меня есть чем защищаться, – крикнул Бонбон, с воинственным видом обернувшись к друзьям.

И он вытащил из-под своего синего халатика огромный пистолет с барабаном, весивший не менее четырех фунтов. Габи пришел в восторг.

– Она настоящая, эта хлопушка! – гордо заявил Татав. – Только уж очень старая. Вероятно, она участвовала еще в войне семидесятого года.³ Весь ствол в ржавчине... Но издали она вполне может напугать.

– И вблизи тоже, – сказал Габи. – Не хотел бы я получить рукояткой по макушке...

Пришел черед Фернана. Он сел на лошадь с тем приятным страхом, который сжимал горло всем им в последнюю минуту перед спуском. Улица Маленьких Бедняков переходила прямо в улицу Сесиль, где уже зажигались первые огни в лавочках. Отсветы уходящего дня как будто подчеркивали

³ Имеется в виду франко-прусская война 1870—1871 годов.

крутизну склона и усиливали черноту обрамлявших его домов. А потом был страх и неизвестность, что за поворотом, и внезапное расширение горизонта, создававшее у ребят впечатление, будто они летят по небесному своду.

Лошадка со скрипом тронулась с места, подталкиваемая Жуаном и Мели. Фернан тотчас поджал колени, прочно укрепив ноги на педалях. Катясь под гору, лошадка набирала скорость.

– Она горячится, а я все-таки тормозить не буду, – бормотал Фернан, стиснув зубы. – Зачем думать о перекрестке!

Улица Сесиль была пуста, и лошадка пронеслась пулей. Прижавшись лицом к рулю, чувствуя в ушах свист ветра, Фернан увидел сапожника Галли, высунувшего свою лысую голову из окна: старик смеялся, держа гвозди во рту. На повороте никого не было.

„Ну, на этот раз я побью рекорд! – успел подумать Фернан. – Жалко, что Зидор не принес с собой часов!“

Тут он увидел погруженный в молочный свет конец улицы и участок Пеке с поднимавшимся над ним ржавым призраком Черной Коровы. Стоявшие на насыпи Зидор и Бонбон отчаянно ему сигналили. По пустой дороге, должно быть, ехал автомобиль, но Фернан еще не мог его видеть.

Испугавшись, он начал резко тормозить обеими ногами, и его грубые кованые башмаки выбивали снопы искр из мостовой. Все было напрасно: лошадь мчалась слишком быстро! Она сразу взлетела на крутой бугорок и едва не задела ма-

ленький грузовичок, медленно выезжавший со стороны Черной Коровы. Резкий поворот руля – и лошадь отбросило влево. Переднее колесо подвернулось, а сама лошадь поднялась на дыбы, как живая, и застыла на задних колесах. Выбитый из седла Фернан совершил прекрасный полет через колючую проволоку и плюхнулся в грязную траву.

– Живо беги за Габи и остальными ребятами! – заорал Зидор Бонбону. – Лети!

Фернан поднялся на ноги. Он был оглушен, у него подкашивались ноги. Заскрипев тормозами, грузовичок остановился в каких-нибудь двадцати метрах, а освободившаяся от наездника лошадка сама начала задом катиться вниз, трясясь на выбоинах дороги. На грузовике брезент был поднят, задняя стенка спущена. Внутри, свесив ноги, сидели двое. Один из них собирался спрыгнуть, но лошадка сама к ним приближалась, и им оставалось только протянуть руки, чтобы поймать ее на ходу за руль.

Фернан и Зидор успели как раз вовремя, чтобы схватиться за одно колесо, и с отчаянным визгом они вцепились в него. Автомобиль уже трогался с места; внезапный толчок – и оба мальчика упали на мостовую. Фернан поднялся первым и, как безумный, погнался за грузовиком, но тот быстро удалялся по направлению к магистрали.

– Воры! – кричал Фернан, задыхаясь от рыданий. – Подлые воры!

Он споткнулся о большой камень и, тяжело упав, растя-

нулся во весь рост. Потом он оперся на локоть и повернул голову вслед грузовичку, исчезавшему в туманной дали. Грузовичок резко свернул влево и исчез за деревьями на магистрали. Прощай, лошадка!

Зидор сочувственно взял товарища за плечи и помог ему встать. По мертвенно-бледному лицу Фернана ручьем катились слезы.

– Не плачь! Не плачь же!... – говорил ему расстроенный Зидор. – Не увезут же они лошадку в рай...

Со страшным шумом неслось по улице Маленьких Бедняков подкрепление. Вся компания скоро появилась из-за поворота.

Мальчики и девочки бежали растрепанные, с испуганными глазами. Габи, Татав и Жуан размахивали длинными досками, вырванными из чьего-то забора.

– Опоздали, не дождались они вас! – закричал им Зидор, указывая на пустынную дорогу. – Их всего было четверо: двое впереди, на сиденье, двое сзади, под брезентом!... Они, верно, торчали внизу и наблюдали за нами. Они дали лошади три раза спуститься. Провести нас хотели, жулики! Фернан еще не показался из-за поворота, когда мы их увидели на полдороге. За рулем я не видел ни Пепе, ни того, второго, и не мог знать наперед, что случится. А потом уже было поздно. Фернан упал, а лошадка покатила под гору. Они ее и подцепили...

– Ты не ушибся? – спросила Марион.

– Нет, – ответил Фернан, стараясь подавить рыдания.

– Все это по моей вине! – убивался Габи. – Нам надо было всем оставаться здесь, внизу. Каждый мог бы сам отводить лошадь наверх.

– Какая разница! – возразил Зидор. – Они так же легко могли бы зацепить лошадку у дома Дуэнов!

– В какую сторону они поехали?

– Вон туда, – ответил Фернан, указывая на окутанную туманом дорогу Черной Коровы.

Ребята долго молчали, сжав кулаки, и смотрели в ту сторону. Сознание постигшего их несчастья делалось все острее. День кончился грустно.

Фернан рыдал. Его душила ярость.

– Эти негодяи вырвали у нас лошадку прямо из рук. Одного я узнал. Это вчерашний верзила...

– Красавчик! – уточнил Зидор. – И он еще смеялся.

– Напрасно они этак на нас напали, – спокойно заявила маленькая собачница, взвешивая каждое слово. – Это им дорого может обойтись!...

– Пусть лошадка стоит миллион франков, пусть она стоит одно су, мне на это наплевать! – воскликнул Габи. – Это дела не меняет! Лошадка принадлежала Фернану, она принадлежала всем нам, а они ее у нас украли!

– Мы еще найдем их! Никогда нельзя ничего знать наперед! – продолжала Марион своим певучим голосом. – И вот, когда мы их найдем, – слушайте меня хорошенько, – я вам

обещаю, что они будут звать на помощь гораздо дольше, чем в прошлый раз.

– А пока что нам делать? – спросила встревоженная Берта Гедеон.

– Мы пойдем заявим! – энергично предложил Фернан. – Сейчас же!

– Постойте-ка! – запротестовал Зидор. – Мы рискуем нарваться на массу неприятностей: нам будут без конца задавать вопросы...

– Ну и что? – сказал Габи. – Мы ничего плохого не сделали. У нас украли лошадь. И, надо найти тех мерзавцев. Полиция обязана этим заняться! Это ее дело.

Зидор пожал плечами:

– Знаю я этих полицейских! От них одни только хлопоты, потому что они бездельники. Нет, полиция тут ничего не сделает.

– Кто идет со мной? – спросил Фернан.

– Все пойдем! – решил Габи. – Один ты с этим делом не справишься – в полиции тебя поднимут на смех. А если мы все придем, все десять, на комиссара это произведет впечатление. Эти конокрады не призраки, мы их видели: лица у них, как у всех людей, да к тому же не очень красивые лица! Их должны поймать...

Дети пошли, продолжая обсуждать события, и свернули на улицу Сесиль. Комиссариат полиции находился в трех минутах ходьбы и занимал первый этаж большого нового зда-

ния. Фернан шел впереди других, крепко сжимая руку Марион. Он держался за ее руку не для того, чтобы придать себе смелости – смелости у него было достаточно! Ему до конца надо было сохранить свой гнев, чтобы вести себя в полиции так, как нужно.

– Это просто новая игра, – улыбалась ему своими серыми глазами Марион. – И эта игра только начинается...

Инспектора Синэ и Лями болтали в маленькой грязной дежурной, которую отделяла от приемной лишь простая перегородка с матовым стеклом. В соседней комнате находились только дежурный бригадир, два его помощника да еще „дичь“, пойманная за вечер: бродяжка неопределенного возраста, что-то бубнивший про себя о своих невзгодах.

– Нет, ты послушай, что я тебе скажу, Лями, – брюзжал инспектор Синэ. – Мы с тобой существуем просто для затычки. Нам доверяют только самые ничтожные дела: то какой-нибудь торговец сыром требует, чтобы установили длительное наблюдение за его лавкой, потому что у него с витрины пропал кусок сыра, то какая-нибудь старушонка приходит жаловаться, что соседская кошка сожрала ее канарейку...

– Нечего преувеличивать! – вздохнул Лями, попыхивая трубкой. – Иногда и нам подворачиваются интересные дела... Синэ хлопнул себя по коленям.

– Вот, вот! – закричал он. – Я так и знал, что ты это скажешь! Нет, милый мой, интересные дела у нас сразу выры-

вают из рук, как только мы их найдем. Взять хотя бы этого Малляра, которого я на днях арестовал. Его у нас тотчас забрала префектура и даже не потрудилась выяснить, какие темные дела привели его сюда, в Лювины. А я только и заработал на этой истории, что синяк под глазом...

Синэ только что вернулся. Он привел бродягу и был сильно не в духе.

– Надо прослужить в поселковом комиссариате десять лет, как я, чтобы понять, что вся работа полиции зависит от случайностей, – продолжал он. – Здесь так же мало шансов подцепить крупное дело, которое принесет тебе повышение по службе, как вытянуть главный выигрыш в лотерее...

– Пф-пф! – скептически попыхивал трубкой Лями.

– Вот именно лотерея! Не веришь? А три крупных дела, которые возникли на прошлой неделе?! Похищение ста миллионов в поезде Париж – Винтимилья, кража изумрудов у актрисы Фрэнсис Беннет и ограбление банка Леви-Блок! Нет, право же, Лями, неужели ты думаешь, что мы занимаем выгодное место в этом состязании? Что бы ни случилось, все решено заранее: мы вытаскиваем только пустые билеты!

– Не хнычь! – усмехнулся Лями, указывая трубкой на распухшее лицо Синэ. – На этот раз ты хорошо заработал...

Между тем в дежурную вошли человек двенадцать. Оттуда слышался смутный шум, на фоне которого выделялся ворчливый голос бригадира Пеко. Впрочем, оба инспектора не обратили на это никакого внимания.

– Если вся парижская полиция сбилась с ног из-за этих трех историй, – упрямо продолжал Лями, – это еще не значит, что и мы не сможем проявить себя в нашем глухом углу.

– Хотел бы я знать, как именно! – проревел окончательно вышедший из себя Синэ. – Сто миллионов, украденных в поезде, – вот это задача! Не так-то скоро ее распутают! Очень уж хорошо все закручено. В среду вечером, когда пришел курьерский, в почтовом вагоне все десять служащих храпели, повалившись друг на друга, как пьяные, а вагон весь пропах хлороформом.

– Вот именно! – тихо сказал Лями. – И у нас в этом деле есть шанс. Малюсенький шанс, но он есть.

– Как так?

– Поезд прошел, как обычно, мимо нашей станции, перед твоим носом, Синэ!

– Ну и что? Запломбированные мешки с денежками испарились ночью между Дижоном и Парижем. Это все равно, что искать иголку в сене!

– А изумруды Фрэнсис Беннет?

– Тебе часто случалось пить чай в отеле „Ритц“? – спросил Синэ, жеманно подняв мизинчик вверх. – Надзор за большими отелями не в нашем ведении.

– Согласен, – ответил Лями. – Изумруды уже далеко... Но где? Что, если ты их найдешь как-нибудь вечерком в лачуге какого-нибудь старьевщика?

– У нас здесь укрывателей краденого нет, – убежденно

возразил Синэ. – Кроме шуток, нельзя даже вообразить себе, чтобы папаша Бляш таскал в своей старой шляпе драгоценности кинозвезды!

– Никогда нельзя знать. Краденые вещи часто попадают в самые неожиданные места. Иногда эти „артисты“ не знают, как ликвидировать свою добычу, иногда они начинают грызться между собой, как бешеные собаки при дележке...

Голоса в соседней комнате становились все громче, и инспекторам уже пришлось кричать, чтобы слышать друг друга. Внезапно бригадир Пеко распахнул стеклянную дверь.

– Какие-то ребятишки хотят видеть комиссара Бланшона, – доложил он инспектору Синэ. – Я что-то ничего не понял в их деле. Дежурные пытались их вытурить. Но они не уходят, и их много. Пусть войдут, что ли?

Инспектор тяжело опустил ноги на пол и подмигнул коллеге.

– А что я тебе говорил? – усмехнулся он. – Вот такая наша служба! Опять чей-нибудь кот сожрал канарейку.

Десять ребят под предводительством Габи гуськом вошли в узенький кабинет. Инспектор Синэ в величественной позе сидел теперь за залитым чернилами столом.

– Чего вы хотите? – сухо спросил он детей.

Марион подтолкнула Фернана, и мальчик шагнул вперед.

– Мы бы хотели видеть комиссара Бланшона, – решительно заявил Фернан.

– Комиссар очень занят. У него нет времени разговари-

вать с ребятишками в деревянных башмаках, – заворчал Синэ. – Я его помощник. Говори!

– Мы пришли подать жалобу, – продолжал Фернан.

Девять его товарищей одобрительно кивнули головами.

– Что случилось? – спросил Синэ.

– У нас украли лошадь! – заявил Фернан таким проникновенным тоном, как будто он говорил о Венере Милосской.

Оба полицейских остолбенели: лошадь!

– Какую лошадь? – спросил Синэ.

– Без головы, – наивно пояснил мальчик.

Синэ проглотил слюну и стал пристально смотреть в сторону, с трудом сдерживая смех. Лямы продолжал курить, держа ноги на радиаторе. Он тоже задыхался от смеха.

Синэ опустил глаза, смущенный печальным взглядом Фернана.

– Без головы? Вот как! – повторил он совершенно серьезно. – Много у нас всяких клячонок бегают, но чтобы без головы – я не видел.

– Наша лошадка на трех колесах, – тотчас добавил Фернан. – На улице Маленьких Бедняков. Другой такой нет.

– Ага! Теперь понимаю! – воскликнул инспектор. – Итак, у вас украли эту лошадь? Где же это случилось?

Фернан неуверенным голосом рассказал о вчерашней стычке с неизвестными и об их странном предложении продать лошадь.

Синэ вытащил чистый лист бумаги из папки и вкратце за-

писал показания мальчика.

– Итак, ты говоришь... лошадь без головы, на трех колесах... у Черной Коровы... Два незнакомца в канадских меховых куртках. Один по прозвищу Пепе, другой – Красавчик... Он в самом деле так красив?

– Он просто урод! – слышался возмущенный возглас Бонбона.

– Отлично! – сказал инспектор Фернану. – Продолжай, малыш!

Через минуту Синэ заметил, что желание смеяться у него внезапно прошло. Дело о лошади без головы не было связано с этой быстрой переменой настроения – нет, оно было так же незначительно, как дело о кошке, которая съела канарейку. Просто полицейского тронули эти десять ребят, упрямо желавших отстоять свое добро и не побоявшихся прийти в такое место, которое мальчишки обычно обходят. Да, они чего-то от него ждали, на что-то надеялись. И Синэ сделалось от этого немного не по себе: он не знал, как распутать всю эту странную историю.

Когда Фернан закончил рассказ, Синэ спросил:

– Кто-нибудь из вас заметил номер грузовика?

Зидор и Фернан переглянулись: нет, об этом они не подумали. И тут вдруг радостно возбужденный маленький Бонбон поспешно поднял палец:

– Я! Я видел номер!

– Не слушайте его, господин инспектор! – сердито закри-

чал Татав. – Эта мошкара знает только десять букв, а цифры все путает.

Ребята расхохотались. Полицейские весело переглянулись. Синэ возобновил допрос:

– Мне нужны точные приметы этих двух негодяев, – сказал он. – Вы мне будете по очереди рассказывать, что вы заметили. Смотрите, ничего не выдумывайте!

Все описания наружности воров в общем совпали, но самым поразительным образом и всего двумя словами обрисовала преступников Марион, выступившая последней.

– Тот, что повыше, похож на лисицу, – просто сказала она, – а Пепе смахивает на бульдога. Я не шучу: все люди всегда более или менее похожи на животных.

– Ну вот теперь мы многое узнали, – вздохнул Синэ и надвинул шляпу на глаза, чтобы избежать пронизательного взгляда Марион.

У инспектора Синэ была лошадиная голова. Это было всем известно, над ним всегда подшучивали в комиссариате, и он боялся, что девочка уже заметила это сходство.

– Что же вы думаете делать? – спросил его Габи.

– Начнем поиски! – торжественно заявил инспектор, которому обещания ничего не стоили. Он положил руку на бумагу. – У меня здесь имеются все данные для полного доклада, который я немедленно напишу. Завтра вся местная полиция будет знакома с вашим делом во всех его подробностях и примется за работу... А теперь будьте умниками,

возвращайтесь домой и спите спокойно: мы вам найдем вашу лошадку.

Он почувствовал, что краснеет от стыда, увидев, как внезапно просветлели наивные детские личики, доверчиво глядевшие на него.

– Мы вас очень благодарим, господин инспектор! – порывисто воскликнул Габи.

И они весело убежали, стуча своими двадцатью грубыми башмаками по полу.

Инспектор Лями, смеясь, снова раскурил свою трубку.

– Ну вот, ты хорошо поработал сегодня, – сказал он своему коллеге. – Ребята будут теперь повсюду говорить, что лучший сыщик Франции находится в Лювины...

Синэ пожал плечами, он смял свой протокол в комок и машинально бросил его в корзину. Внезапно его длинное лицо повеселело. Он сунул руку в корзину, вытащил свой протокол и принялся тщательно разглаживать его на столе.

– Что это с тобой? – спросил Лями.

– А ведь я видел эту лошадь без головы! – воскликнул Синэ в крайнем удивлении. – Она мне даже сослужила замечательную службу: если бы не она, я бы никогда не поймал этого субъекта, этого Малляра!

На этот раз удивился Лями:

– А я думал, тебе ничего не стоило его схватить...

– Верно, но только потому, что этот мерзавец лежал на земле. Он споткнулся в темноте о какую-то лошадку на ко-

лесах, которую ребята прислонили к стене. Наверное, это та самая...

– Что из того? – сказал сильно заинтригованный Лями. – Не вижу никакой связи. Малляр уже пять дней под замком. Он никак не мог украсть лошадь.

– Это-то очевидно, – согласился Синэ. – Но все же здесь есть какая-то странная связь. По-моему, эта чертовщина заслуживает внимания. Недурно было бы поймать этих бездельников, которые нагоняют страх на ребят... И потом, зачем им было красть лошадь? Мальчик нам сколько раз повторил, что она ни гроша не стоит.

Лями потирал руки:

– И вот теперь тебе уже не терпится узнать, что это за картонная лошадь и что в ней было спрятано: сто миллионов, изумруды актрисы или золотые слитки? Громадный выбор! Что же, найди лошадь, и все выяснится...

Синэ пожал плечами.

– Не в этом дело! – раздраженно сказал он. – Но мне все же кажется, что тут есть над чем поработать.

В эту минуту из дежурной послышались тяжелые шаги. В дверях показалось угрюмое лицо бригадира Пеко.

– Ушли дети, пришли папаши, – заявил он. – Всего тут нагладишься!... Впустить?

– Пусть войдут, – простонал Синэ с жестом отчаяния.

Робко вошли Жуа и Дуэн и стали смущенно теревить в руках свои форменные фуражки железнодорожных служащих.

– Прежде всего успокойтесь: ваши ребята только что были здесь, – со смехом сказал им инспектор. – Они нам битый час рассказывали историю с лошадьё. Я уже не знал, как от них избавиться...

– Простите их, пожалуйста, – пробормотал расстроенный Дуэн. – Понимаете, господин инспектор, уж очень они любят свою лошадку. У них ведь больше нет никаких игрушек. Мы-то ведь не можем тратить сотни и тысячи франков на игрушки, которые ломаются через два дня. А лошадка им служила...

– Сколько же она, по-вашему, стоит? – с любопытством спросил Синэ.

– Да ничего она не стоит! – признался Дуэн, делая неопределенный жест. – Меньше, чем ничего...

Он рассказал, как лошадь к нему попала, но умолчал о самом главном: о сделанном ему предложении продать ее и о том, что ему сообщил старик Бляш относительно обстоятельств, при которых он ее нашел; он точно так же ничего не сказал о странном поведении торговца Рубло в тот день, когда полиция арестовала какого-то преступника.

Дуэн поступил неправильно. Самым лучшим людям случается делать большие ошибки из-за излишней осторожности. Жуа, не любивший полицию, ограничился тем, что молча слушал рассказ своего товарища. Инспектору так и не удалось ничего больше вытянуть из обоих посетителей. Он отпустил их, попрощавшись не без иронии.

– Как вы думаете, вам удастся найти эту лошадь? – спросил его Дуэн.

– Сделаем все, что в наших силах, – шутливо заверил его Синэ. – Лювиныи невелик. Если лошадь действительно ничего не стоит, как вы утверждаете, мы ее очень скоро найдем в мусорных ящиках...

Фернан отправился прямо на улицу Маленьких Бедняков и пришел домой только на несколько минут раньше отца. Ключ торчал в дверях. Мальчик вошел, заглянул на кухню, где хлопотала его мать, и застыл на пороге, чувствуя, как глухо бьется его сердце: голова лошади стояла на столе и насмешливо на него смотрела.

– Вот и ты наконец! – воскликнула мать, целуя его. – Мы уже начали беспокоиться. Отец тебя всюду ищет. Что случилось?

– У нас украли лошадь, – пробормотал Фернан, широко раскрытыми глазами разглядывая лошадиную голову.

Не успела исчезнуть сама лошадь, как появляется в доме ее отрезанная голова.

– Отец принес эту мерзость, – объяснила мадам Дуэн, следя за взглядом сына. – Он заходил сегодня к старому Бляшу по дороге с работы...

Она обернулась, услышав звук поворачивающегося в замке ключа. Дуэн обрадовался, увидев сына дома, но на его добром лице было заметно и некоторое неудовольствие.

– Не надо было поднимать всю эту кутерьму, не посове-

товавшись с нами, – сказал он Фернану. – На что это похоже: идти беспокоить инспектора Синэ из-за старой картонной лошади, у которой даже головы нет! Вы ее, конечно, любите, но нельзя же беспокоить полицию по пустякам. На все существуют свои правила. Теперь все будут смеяться над нами...

– Эти два негодяя неспроста стащили у нас лошадь, – сердито возразил Фернан. – Не из-за этой игрушки дрались они с нами...

Сам того не подозревая, он нащупал истинное значение этого на вид простого случая. Он повторил то, что пришло на ум его отцу после разговора со старым Бляшем и чего не понимал инспектор Синэ.

Мать Фернана потребовала, чтобы ей подробно рассказали всю историю, и громко возмущалась:

– Ну вот, уже воруют игрушки у бедных детей... Стыд-то какой! Если об этом написать в газетах, никто не поверит... Вот уж действительно! Есть же люди без сердца!...

Фернан лег спать сразу после ужина и долго не мог заснуть. Он лежал в темноте с открытыми глазами, и его неотвязно преследовали надоедливые свистки поездов, проникавшие через тонкие стены комнатки. В тот же самый час в восьми других домах его товарищи задавали себе те же волнующие вопросы, восстанавливая в памяти все мельчайшие подробности события. Но лошадь уходила от них все дальше и дальше.

А в соседней комнате утомленный Дуэн чувствовал, что его горячее желание помочь детям остывает.

– Как ты думаешь, полицейские что-нибудь сделают? – спросила его жена.

– Не знаю. Если они ее не найдут, жалко, конечно. Но, с другой стороны, эта лошадь уже начала действовать мне на нервы...

Глава 4

СТАРЫЙ КЛЮЧ

На следующий день не переставая лил дождь, и всем пришлось разойтись после школы по домам. Фернан проводил Марион до самого конца улицы Маленьких Бедняков.

– Знаешь, – сказала девочка, прощаясь, – я постараюсь чем-нибудь заменить лошадку. Не надо падать духом. Если каждый будет уходить после школы домой, то от всей нашей компании скоро ничего не останется. Жалко все-таки! Во всем поселке нет другой такой дружной компании, как наша. Мы как-никак большая сила!

Фернан одобрительно мотнул головой. Из глубины садика дружно подвывали двенадцать собак Марион.

– Хочешь, я тебе выдрессирую собаку? – смеясь, предложила девочка. – Тебе будет не так скучно дома...

– Мама не захочет, – ответил Фернан. – Она, правда, любит животных, но у нас и так уж очень тесно.

– Это дело привычки, – сказала Марион. – А когда в доме есть хорошая собака, все-таки спокойнее.

Она поцеловала Фернана в щеку и пошла к себе. А Фернан в своем старом, доходившем ему до пят непромокаемом плаще стал быстро подниматься вверх по улице. В этот день у него был ключ от дома – мама дала. Но, войдя, он по рас-

сеянности оставил его снаружи в замке. Встряхнув плащ и проверив тягу в печке, он положил на стол свой тяжелый брезентовый мешок, который заменял ему сумку. Внезапно он почувствовал, что дует по ногам, и обернулся. Дверь была приоткрыта. Фернан хотел ее закрыть, но что-то мешало. Посмотрев вниз, он внезапно увидел чей-то ботинок.

Он медленно открыл дверь, чувствуя, как безумный страх сжимает ему горло. На пороге стоял Рубло с лицемерной улыбкой на устах. С его шляпы стекала вода. Торговец держал под мышкой большой, хорошо завязанный прямоугольный пакет. Быстрым движением он вытащил ключ из замка, тихонько притворил дверь и запер ее изнутри на два поворота.

– Я к тебе с дружеским визитом, – сказал он Фернану. – Подойди поближе.

– Вы меня не испугаете, – сказал мальчик, стараясь говорить вызывающим тоном. – А ведь вы не так часто показываете здесь ваш носище в небазарные дни. Если вы пришли за лошадю, то можете не беспокоиться. Она убежала вчера вечером...

– Знаю, – ответил Рубло, не сердясь. – Плохую шутку с вами сыграли... Но не стоит горевать. Посмотри, что я тебе принес!

Он положил пакет на стол и начал медленно его развязывать, в то же время шаря глазами по углам. Фернан следил за каждым его движением.

– Лошади нет, но она когда-нибудь вернется, можете в этом не сомневаться, – заявил он. – Через час после кражи полиция уже все знала. Инспектор Синэ написал протокол, настоящий протокол с приметами воров и прочими подробностями. Им это так не пройдет!...

У Рубло забегали глаза. И мальчик понял, что попал в цель. Торговец наклонил голову, чтобы скрыть свое смущение, и развернул бумагу. В ней лежала роскошная красная коробка.

– Это электрический поезд, – сказал он с любезной улыбкой. – В Лювиныи живут не только одни бессердечные люди. Торговцы на базаре узнали, что произошло с вами вчера, и в складчину купили вам подарок, а мне поручили передать его вам. Правда, мило с их стороны?

Фернан не двигался. Он стоял около печки, держа руку за спиной, и тихо шарил, стараясь нащупать кочергу.

– Этот поезд твой. Он ваш общий, – ласково говорил Рубло. – Подойди же! Мы вместе с тобой установим рельсы, и ты сможешь сразу завести его.

– Подумаешь! – презрительно ответил Фернан. – Мы с ребятами уже вышли из того возраста, когда играют с игрушечными поездами. У нас тут на всех железнодорожных путях полно настоящих паровозов. Можете запаковывать ваше добро, я к нему не прикоснусь!

Рубло обошел вокруг стола, сжимая кулаки. Фернан прыгнул в сторону и укрылся в передней, держа кочергу в руке.

– Если вы сделаете еще один шаг, я вам дам кочергой по морде! – сказал он, бледнея. – И я не промахнусь!

Рубло принялся машинально завязывать свой пакет. Крысиные глазки с отчаянием бегали по комнате. Он подошел к крану, не переставая искоса наблюдать за мальчиком, открыл оба стеновых шкафа, пошарил в буфете, осмотрел вешалку, ящик с углем, коробку с хлебом, провел рукой по этажеркам – и все это с дьявольской ловкостью. В каких-нибудь две минуты он уже все обследовал и даже заглянул в стоящий перед печкой ящик с золой. Закончив осмотр, он быстро повернулся к мальчику.

Фернан еще крепче сжал кочергу в руке.

– Я не знаю, что вы думали здесь найти, – тихо сказал он. – У нас в доме ничего ценного нет. Может быть, вы заинтересуетесь тем, что висит на вешалке позади вас? Поднимите-ка плащ! Быть может, вы не зря побеспокоились...

Рубло отдернул черный плащ и глухо вскрикнул: на крючке, подобно охотничьему трофею, висела усмехающаяся голова лошади и пристально смотрела на него своими сверкающими глазами. Ошеломленный Рубло провел рукой по лицу, судорожно распахнул дверь и опрометью бросился бежать, сопровождаемый до самого сквера издевательским смехом мальчика.

Фернан крепко запер дверь, дважды повернул ключ в замке. Потом он разложил свои книги и тетради и начал готовить уроки. У него немного дрожали руки.

Через пять минут кто-то постучал в дверь, и сердце мальчика опять стало тревожно биться.

– Открой! – послышался чей-то серьезный голос. – Скорее...

Фернан снова взялся за кочергу и на цыпочках подошел к двери.

– Кто там? – спросил он, изменив свой голос.

– Инспектор Синэ.

Фернан широко распахнул дверь и вежливо посторонился.

– Чего хотел от тебя Рубло? – спросил Синэ без всяких предисловий.

– Ничего, – смущенно ответил Фернан. – Он принес мне подарок взамен лошади.

Инспектор тщательно закрыл дверь.

– Не рассказывай мне чепухи! – сказал он строго. – Такого щедрого посетителя не провожают с кочергой в руке. Я все видел, я сидел в сквере перед этим окошком... И так?

Фернан опустил голову.

– Он как будто что-то искал, – признался мальчик. – Если бы ему удалось заставить меня заняться этим электрическим поездом, он, наверное, весь дом перерыл бы. Но я не поддался...

– Он мог бы тебя заставить другим способом, – усмехнулся инспектор.

– Я об этом подумал, – сказал Фернан. – Мне было очень

неспокойно.

– И ты не имеешь никакого представления, что это он искал? – спросил Синэ, с любопытством оглядываясь кругом.

– Никакого!... В доме нет ничего ценного. Мама всегда носит с собой все деньги, какие у нее есть.

– Почему ты отказался от поезда?

– Мне это показалось подозрительным... Зачем базарным торговцам сдалась наша лошадь? Они ее никогда не видели.

– Ты правильно поступил, – засмеялся Синэ. – Этот Рубло – человек сомнительный. Ты знаешь, что он уже сидел в тюрьме?

– Это видно по лицу, и я уверен, что он опять туда попадет.

Синэ закурил сигарету, внимательно огляделся кругом, и глаза его внезапно остановились на Фернани.

– Можно мне осмотреть весь дом? – бесцеремонно спросил он.

– Вам-то можно, – ответил мальчик, добродушно улыбаясь. – Пойдемте, я вам все покажу.

– Не говори родителям, – со смущением сказал Синэ. – Собственно, это не очень-то законно с моей стороны: я ведь не имею права делать обыск без письменного приказа... Может быть, у вас тут есть какая-нибудь ценная вещь, а вы и сами не знаете?

– Понимаю, но лошадь-то здесь ни при чем! – заметил Фернан с некоторым разочарованием.

– Наоборот! – раздраженно возразил Синэ. – С нее все и началось. Может быть, эти два субъекта напрасно ее украли – они ошиблись.

– Ах, так? Об этом я не подумал...

Сопровождаемый мальчиком, Синэ медленно обошел квартиру и не постеснялся перерыть все ящики. Во всем бросались в глаза чистота и порядок, и это особенно подчеркивало бедность и честность хозяев.

Когда из комнаты родителей Синэ перешел в комнату Фернана, тот с горячим интересом стал следить за всеми его движениями. Фернан не был бы особенно удивлен, если бы увидел, что инспектор вытаскивает из-под его подушки бриллиант величиной с куриное яйцо.

– Ничего, – вздохнул Синэ. – Идем на кухню...

На кухне он тщательно, но так же безуспешно перебрал все инструменты в ящике отца Фернана. Затем Синэ раскурил свой окурок, расположился за столом и усадил Фернана перед собой.

– Если бы я не знал, какой честный человек твой отец, – серьезно сказал он мальчику, – я бы мог вообразить бог знает что. Ты расскажешь ему, что приходил Рубло, а потом – я?

Фернан покачал головой.

– Нет, – твердо сказал он. – Хватит ему забот и без этого. Раз в доме нет ничего подозрительного, не стоит его огорчать всеми этими историями.

– Хорошо, – улыбнулся Синэ, которому понравился от-

вет мальчика. – Вижу, ты умеешь брать на себя ответственность... А теперь слушай меня внимательно, малыш. Ты не глуп. Так вот, если увидишь в квартале что-нибудь интересное, сообщи мне. Что касается Рубло, о нем не беспокойся, с него я глаз не спущу.

– Мы тоже не спустим с него глаз, – совершенно серьезно заверил инспектора Фернан. – А уж насчет его торговли... мы позаботимся о том, чтобы она не слишком процветала...

Рубло приехал в своем новеньком грузовичке, как обычно, около десяти часов утра.

С ночи шел снег, хлопья падали медленно и тотчас таяли. Над вокзалом носился белый дым – дыхание запасных паровозов.

Рубло поставил свой складной столик, разложил товар и начал зазывать домохозяек, стараясь привлечь их внимание к необыкновенным качествам машинки, которая может почистить целую меру картошки в две минуты двадцать целых и шесть десятых секунды.

Но при этом торговец почему-то все время оборачивался в сторону кафе и поглядывал на его запотевшие окна.

Человек двадцать зевак оказали Рубло честь: остановились послушать его болтовню и посмотреть, как работает машинка. Потом зеваки медленно разошлись. И тут появилась другая публика. Она тоже хотела видеть, как машинка чистит картошку.

Но, едва заметив эту публику, Рубло почувствовал себя

так, точно его ударили кулаком прямо в сердце. Построившись по росту, перед ним неподвижно, молча и смиренно стояли десять ребят. Это были: рослый Габи Жуа, краснолицый, смуглый, в помятой шапке, нахлобученной на вьющиеся волосы; Зидор Лош, худенький, весь посиневший от холода, утопавший в большой, не по росту, фуфайке, доходившей ему до колен; Фернан Дуэн, беленький, щупленький, в синем натянутом на самые уши берете; толстяк Татав Лювриэ в куртке из порыжелого сукна с многочисленными заплатами разнообразных цветов; Жуан Гомец в коротком пальтишке с выцветшим бархатным воротником и в шлеме с помпоном на своей черной цыганской головенке; Марион Фабер с белокурыми волосами под черным беретом, придававшим ее лицу суровую бледность, и очень прямо державшаяся в своей длинной мужской куртке; Берта Гедеон, стройная и хорошенькая, в уродливом самодельном красном свитере; Мели Бабен в большом черном платке и берете, из-под которого светилась ее вечная улыбка и выбивалась золотая челка; Крикэ Лярикэ, совсем маленький, дрожащий от холода, в теплом жилете, подбитом кроличьим мехом, и наконец, самый младший из всей компании – Бонбон Лювриэ, носивший под синим халатиком целую кучу фуфаек и свитеров.

Итак, все десять были здесь и смотрели Рубло прямо в глаза, не позволяя себе, однако, никаких дерзостей. Они только смотрели на него, вот и всё. Торговец сначала пытался шутить.

– Очень рад вас видеть! – сказал он с натянутой улыбкой. – Подходите поближе, мои дорогие маленькие любители, я покажу вам, как работает машинка...

Ни один не тронулся с места. Они как будто все приросли к тротуару. Пар шел у них изо рта и вился над головами. Время от времени стайка снежинок медленно пронеслась над их застывшими лицами. Ребята смотрели на Рубло. И Рубло вскоре почувствовал, что не может оторваться от их пристальных взглядов. Он во всю глотку расхваливал свою машинку и загубил еще полмерки картофеля. Но результатов не было. Никто не останавливался посмотреть, как работает его машинка. Только десять ребят с похвальным терпением стояли на месте и не сводили с него глаз.

Рубло внезапно вышел из себя.

– Немедленно убирайтесь ко всем чертям! – закричал он хриплым голосом.

Никто не двинулся с места. Только взгляды сделались немного мягче, немного внимательнее. Было холодно, однако Рубло почувствовал, что у него выступил пот.

– Ну, хорошо! – сказал он угрожающе. – Подождите! Сейчас я вам всем бесплатно надаю затрещин. На всю компанию хватит!

Никто не шевельнулся.

Остановились какие-то прохожие. Сначала они посмотрели на ребят, потом их взгляды остановились на помертвевшем лице Рубло, у которого раздражение сменилось стра-

хом. Чего он боялся? Прохожие оборачивались направо и налево, ничего не понимали и вновь устремляли глаза на Рубло. Полицейский Дюкрэн, наблюдавший с двумя другими за порядком на базаре, как раз в это время проходил мимо. Вся эта молчаливая сцена сильно его удивила.

– Что ты увидел? – спросил он у Габи.

Габи не ответил. Дюкрэн проследил за его взглядом, заметил расстроенное лицо Рубло, и взгляд полицейских присоединился к взглядам толпы. Рубло никогда еще не собирал столько публики. И все же он решил поскорее унести свои знаменитые машинки для чистки картофеля и запихнул их в чемоданы.

– У него больной вид, очень больной, – сказала какая-то консьержка⁴ из квартала Ферран, видимо ожидавшая, что он вот-вот свалится с ног. – От этого проклятого холода кровь застывает в жилах.

Рубло не свалился. Он с лихорадочной поспешностью сложил свой столик и козлы, бросил все это добро в грузовик, потом повернул к детям свое дрожащее от ярости лицо. Он открыл было рот, но слова застряли в горле: маленький Бонбон вышел из рядов верхом на палке, на которую была наде-та голова лошади.

– Но-но! Но-но! – выкрикивал Бонбон, притоптывая обеими ногами.

Он натягивал воображаемые поводья и высоко задира

⁴ Консьержка (франц.) – привратница.

голову лошади, а та смотрела на Рубло с дьявольской яростью. Толпа покатила со смеху. Расхохотались и внезапно согревшиеся ребята. Рубло отступил, бросился, как безумный, в свой грузовик и вихрем умчался.

– Так ему и надо! – сказала Марион. – Будет знать в другой раз, как без спросу лазить по чужим домам. Теперь мы с ним поквитались.

– Видно, – сказал Фернан, – у него все-таки на душе беспокойно, раз он так быстро удирает...

Габи, Фернан и Зидор прошли до кафе. Оно уже играло всеми своими огнями. Мальчики заглянули в окна. Несколько торговцев, приехавших на базар, толпились перед цинковой стойкой и дули себе на замерзшие пальцы, но в зале было пусто.

– Жуан вернется через часок-другой посмотреть, не явился ли Рубло, – сказал Габи. – Если явится, мы ему сыграем еще раз ту же комедию... А если он будет недоволен, Марион приведет парочку собак покрупнее. Но пока что надо заняться этим сараем на лесопилке. Для нас это прямо-таки находка.

Сарай, о котором шла речь, случайно нашла Марион, когда бродила среди развалин, оставшихся со времен войны между улицей Маленьких Бедняков и магистралью. Влево от Черной Коровы начиналась узкая тропинка. Она лежала между руинами старого приюта и угольным складом Ван ден Берга и называлась Сиреневым переулком. Правда, сирени

уже давно не было – ее погубила угольная пыль, но название переулок сохранил. Он шел, извиваясь, вплоть до покинутых полуразрушенных зданий старой лесопилки. Сарай действительно оказался находкой. Он был загорожен с трех сторон, а четвертая смотрела на двор, заросший сорной травой. Сарай был пуст, но запах дров еще держался. Марион сразу сообразила, что этот укромный уголок, куда почти не доносится даже гул железной дороги, может весьма и весьма пригодиться всей компании.

Марион и Фернан пришли первыми. Они намеревались навести порядок в этом помещении, которое Габи уже торжественно называл „наш клуб“. Пол был покрыт густым слоем прогнивших опилок, в которых увязала нога. Пришлось копать довольно глубоко, пока дошли до сухой земли. И Фернан устроил четырехугольную печурку, выложив ее плоскими камнями. Тем временем Марион бродила по пустым цехам, а Фифи – по пятам за ней.

Девочка принесла доски, козлы, довольно хороший ящик, две кастрюли, жестяные коробки, ведро, кочергу, лопатку для угля и десять дубовых колодок, которые вполне могли заменить стулья, – по одной на каждого члена компании. О дровах беспокоиться не приходилось – дров было много, и притом самых сухих.

К четырем часам Фернан смог затопить печку. И красное пламя волшебным светом осветило мрачный сарай, выхватив из тьмы уютный уголок с сиденьями, с ящиком, обра-

ценным в кухонный шкаф, в котором висели кастрюли, со столиком, стоявшим на козлах, и с кочергой, воткнутой в землю.

Уже темнело, когда явился Габи в сопровождении Зидора и Мели. Все трое взревели от восторга, увидев, что „клуб“ оборудован и огонь бросает по стенам дрожащие тени.

– Я вам приготовила места, – сказала Марион. – На каждом мелом написано имя.

– А мы принесли провизию, – заявил Габи. – Правда, немного, только чтобы отпраздновать новоселье.

Вытащив из кармана кубик мясного бульона и восемь немного увядших картофелин, он все разложил на столе.

– У меня только одна, но зато крупная, – сказал Зидор, показывая, к большой радости друзей, огромную картофелину, покрытую землей и весом никак не менее фунта.

– Я не смогу ее присоединить к другим, – со смехом сказал Фернан. – Она будет вариться два часа. Мы ее прибережем до другого раза.

Марион поставила на огонь кастрюлю с водой для бульона. Вскоре явились запыхавшиеся Татав и Бонбон. Их лица и одежда были черны от сажи.

– Мы спутали калитку и попали на угольный склад, – объяснил сильно сконфуженный Татав. – А потом Бонбон растянулся в яме с угольной пылью, и мне пришлось вытаскивать его оттуда. Дела!...

Вскоре пришла Берта Геденон, держа за руку Крикэ Ляри-

кэ. Увидев, в какую роскошную обстановку он попал, Крикэ от восторга вылупил глаза.

– Я принес подарок для всех, – взволнованно заявил негритенок и вытащил из кармана своего жилета сильно помятый пакетик.

Все затаили дыхание, устремив глаза на обрывок газеты, который Крикэ заботливо разворачивал. Он вынул оттуда чуть промокшую сигарету и благоговейно показал ее всем, внимательно следя за выражением лиц. Ему устроили овацию.

– Я ее положу сушиться у огня, – сказал Габи. – Каждый затынется по два раза. Роскошно!...

Жуан пришел последним и тенью проскользнул внутрь сарая. Его шлем был крепко натянут на уши, так как снег все усиливался. Жуан ничего не принес, кроме плохой вести.

– Рубло на базар не вернулось, – заявил он, грея руки у огня. – Между тем на улице Союзников стоит его грузовичок. Рубло, верно, шатается где-то здесь поблизости...

Все похолодели. Марион ничего не сказала, она только посмотрела в глубину сарая и легонько свистнула сквозь зубы. Две громадные черные собаки, которых раньше никто не заметил, тихо вышли из темного угла. Вблизи огня их внимательные глаза вспыхнули, как рубины. Собаки растянулись у ног Марион и прижались мокрыми носами к ее старой мужской куртке.

– Бютор и Фанфан, – представила она их вполголоса. – Это

породистые собаки и лучшие сторожа во всем поселке. Они всегда будут с нами, когда мы будем собираться в „клубе“. Пусть Рубло попробует задобрить их хотя бы двумя метрами колбасы... Он уйдет от них еле живой – и, во всяком случае, без штанов. Посмотрите на их клыки!

Клыки вызвали всеобщее восхищение, но к ним не решались притронуться. Всем опять стало весело. Берта и Мели прислуживали с большой ловкостью и быстротой. Все маленькими глотками попивали из жестяных коробок дымящийся напиток.

– Никогда я не пил ничего вкуснее! – кричал над своей чашкой Татав, а глаза у него от жадности разгорелись.

Это был всего лишь пресный бульон, приготовленный на мутной воде, но он приобретал необычайный вкус оттого, что его распивали в своей компании, да еще в потайном месте. Габи зажег сигарету и пустил трубку дружбы по кругу. Марион и Фернан положили картошку в золу. Язычки пламени медленно угасали, скоро остались одни угли. Время от времени они вспыхивали и бросали на неподвижные лица пурпурный отсвет. Компания сидела молча, собаки вздыхали от счастья и даже не смели чесаться.

– О чем будем говорить? – спросила Марион.

– О лошадке, конечно! – сказал Габи. – Каждый выскажется по очереди, даже малыши. Начнем с Фернана. Он больше всех знает и должен говорить первым.

Все взгляды обратились к Фернану.

– Меня больше всего поразила одна вещь, – заявил он, тщательно подбирая слова. – Целый год мы делали с лошадью что хотели, и это никого не трогало. Вдруг все ею заинтересовались, как будто начиная с какого-то момента она сделалась необыкновенно ценной.

Взволнованные ребята нервно зашевелились вокруг огня: первое совещание обещало быть захватывающе интересным.

– Очень хорошо! – сказал Габи. – Но теперь нам надо установить, в какой именно момент это произошло. В этом все дело. По-моему, это началось в тот вечер, когда отвалилось переднее колесо, а еще точнее, когда Рубло начал вертеться вокруг тебя и Марион. Что же случилось до и после этого?

– Я уже рассказывал, – ответил Фернан. – Вернувшись с базара, мы нашли лошадь на земле. Я ее поднял и поставил у стены. Вот тут-то и притащился этот подлый дядька...

– Рубло злился на лошадь, – добавила Марион. – Я уверена, что мы ему в чем-то помешали...

– А потом что было? – спросил Габи.

– Потом, – продолжал Фернан, – вернулся папа. Мы сняли колеса, и на другой день лошадка ушла на ремонт. Не знаю, что мне еще рассказать. В нашем доме ничего таинственного не произошло.

– Таинственное происходит так, что и не заметишь, – шутливо вставил Зидор. – Может быть, твоя лошадка начала нестись и оставляет во всех углах золотые монетки...

Это предположение вызвало хохот.

– Довольно! – рассердился Фернан. – Вы знаете так же хорошо, как я, что лошадь ровно ничего не стоила. А вчера вечером, после ухода Рубло, сам инспектор мне сказал одну вещь, которая заставила меня насторожиться...

– Что он сказал? – заинтересовался Габи.

– Синэ сказал: „Может быть, эти люди из грузовика зря украли лошадь, может быть, они ошиблись...“ Тогда понятно, почему Рубло обшарил у нас весь дом.

Зидор и Габи тихо свистнули сквозь зубы, а остальные переглядывались, ничего не понимая.

– Если торговец действует заодно с этими людьми, – задумчиво пробормотал Габи, – значит, он надеялся найти у тебя какую-то вещь, которая представляет для них огромную ценность. Это меняет все дело! В лошади они разочаровались, но дом Дуэнов их еще интересуется.

– Рубло ничего не нашел! – запротестовал сбитый с толку Фернан.

– Может быть, он и сам не знал, что искал, – сказала, засмеявшись, Мели.

– Все эти разговоры уводят нас в сторону, – заметила Марион, – но одно ясно: вечером, в день катастрофы, лошадка вдруг стала очень дорогой для целой кучи народа, а пять дней спустя, в тот вечер, когда ее у нас украли, она уже ничего не стоила. Приходится думать, что лошадка изменилась за этот промежуток времени...

– Либо в руках Фернана и его отца, либо в руках мастера

Росси! – категорическим тоном закончил ее мысль Габи. – Больше никто до нее не дотрагивался.

Угли медленно угасали, но Фернан видел, как у ребят горели глаза. Марион смотрела на него в упор и нежно поглаживала своих собак. Все ждали, затаив дыхание. Габи пришел ему на помощь.

– Ты кое-что забываешь, – добродушно сказал он. – Это со всяким может случиться. Постарайся вспомнить...

– Росси только спилил старую вилку и заменил ее новой, – сказал Фернан, качая головой. – Тут и думать не о чем. Мы сдали ему лошадь в разобранном виде, а когда он ее вернул, все было на месте.

– Ты в этом твердо уверен? – спросил Зидор. – Допустим, что Росси ничего не тронул, но твой отец мог что-нибудь снять так, что ты этого не заметил.

– Я помогал ему во всем до самого конца, – сказал Фернан. – Мы сняли колеса, развинтили гайки на ступицах, кое-где соскребли ржавчину.

– И больше ничего?

– Нет, еще что-то. Папа взял лошадку за задние ноги и высыпал из нее все на пол. Живот был у нее набит всякой дрянью. Папа не хотел нести ее к Росси в таком виде.

– Вот теперь все ясно! – воскликнул Габи, вскакивая на ноги. – Что же было в лошади?

– Вы это знаете так же хорошо, как я, – насмешливо отозвался Фернан. – Вы сами постоянно пихали в нее всякую

дрянь, какая только попадалась под руки. Бедная лошадка!

Габи наклонился к Фернану.

– Деревянная твоя голова! – закричал он, тряся Фернана за плечи. – Без всякого сомнения, у лошади в животе что-то лежало, а вы не заметили! А теперь вы потеряли! Вот в чем дело!... Что же вы из нее вытряхнули?

Озадаченный Фернан устремил взор в пространство, стараясь восстановить в памяти все, что было в тот вечер.

– Прежде всего вытряхнули паклю, конский волос и масляные тряпки, – сказал он беззвучным голосом. – Отцу пришлось взять крючок, чтобы все это вытащить. А уж все прочее вылетело сразу...

– Что именно?

– Всякое ржавое железо! Там его было не меньше десяти кило.

– Что именно? – настаивал Габи.

– Болты, сломанная пила, дверная ручка...

– Ручку я сунул... вместе со всякой другой ерундой, – сознался несколько смущенный Зидор. – У лошади был слишком пустой звук – надо было чем-нибудь набить ей брюхо.

– Дверную ручку папа отложил, – добавил Фернан. – Она могла пригодиться по хозяйству...

– Что же там было еще?

– Обрывок цепи для коровы, крючок, две жестянки из-под сардинок, металлический прут от занавески, будильник, половинка щипцов, пружина от матраца, формочка для теста,

старый ключ...

Каждый кивал головой, когда называли предмет, который он сам вложил лошади в брюхо, чтобы она производила больше шума при спуске. Было так интересно, когда она грохотала. Но ключ как будто ни в ком не вызвал никаких воспоминаний. Все молчали.

– Кто положил ключ? – яростно закричал Габи, разглядывая ребят одного за другим.

Те смотрели друг на друга удивленными глазами. Никто руки не поднял.

– Ключ не мог сам собой оказаться у лошади в животе, – певучим голосом сказала Марион. – Значит, его туда положил кто-то, кто не входит в нашу компанию. Раз все остальное нам известно, то искать больше нечего: только этот ключ и мог придать лошади ценность.

– Что это был за ключ? – спросил Габи.

– Заржавленный, длинный, как ключ от гаража, и к нему была прикреплена деревянная бирка.

– Что же твой отец с ним сделал?

Фернан долго вспоминал.

– Я не очень в этом уверен, – сказал он наконец, – но мне кажется, он просто повесил его вместе с другими нашими ключами под счетчиком.

Габи пошарил кочергой в углях. Пламя разгорелось, освещающая ребят. Дымок от пропеченного картофеля смешался с запахом древесной смолы. Татав нашел картофелину и про-

колол ее кончиком своего перочинного ножа.

– Как будто готово, – с удовлетворением сказал он.

– Картофель подождет, – возразил Габи. – Сейчас у нас есть более важное дело.

Он повернулся к Фернану.

– Идем-ка поскорее к тебе, – сказал он. – Надо во что бы то ни стало найти этот ключ.

На дворе шел такой сильный снег, что ничего нельзя было разобрать на расстоянии десяти шагов. Оба мальчика поспешно шагали по улице Маленьких Бедняков. Фернан не заметил ничего подозрительного. Он открыл дверь и пробрался к окну, чтобы задернуть занавеску.

– Зажигай! – шепотом сказал он Габи.

Затем оба мальчика побежали в переднюю. Дюжина ключей висела в беспорядке под счетчиком. Среди них находился большой ключ, к ушку которого была привязана деревянная бирка.

– Вот он! – сильно волнуясь, воскликнул Фернан. – Я его узнаю.

– Ничего особенного, – сказал Габи, взвешивая ключ в руке. – Самый обыкновенный ключ... Погоди-ка! На бирке что-то написано.

– Давай-ка не задерживаться, – сказал Фернан. – Мы все рассмотрим в „клубе“...

Они застали остальных членов компании за дележом хрустящих картофелин. Зидор подбросил в жар сухих стружек.

Веселый огонь разгорелся вновь, языки пламени, потрескивая, золотили лица ребят, и тени весело плясали на стенах. Рассмотрели ключ. На деревянной бирке была надпись. Чернила выцвели, но с большим трудом все же можно было кое-что разобрать.

– Фабрика Биллетт, двести двадцать четыре, дорога Понсо, – с удивлением прочел Габи. – Вам это что-нибудь говорит?

Марион довольно хорошо знала этот ряд фабричных зданий, большей частью покинутых, расположенных над железнодорожными путями, в самой глубине Пеке.

– Номер двести двадцать четыре находится по ту сторону малого туннеля, – сказала она. – Это дома из серого бетона, которые примыкают к пакгаузам Сезара Аравана. Фабрика Биллетт закрыта со времен войны. Я там никогда никого не видела.

– Что же там производилось? – с любопытством спросил Габи.

Марион подняла брови, как бы говоря, что ей это неизвестно.

– Узнаем завтра, – просто сказала она.

Глава 5

ЗАБРОШЕННАЯ ФАБРИКА

Делу об украденной лошади инспектор Синэ мог отдавать лишь свои свободные минуты, и делал он это больше из любви к искусству, чем по долгу службы, потому что комиссар Бланшон видел во всем этом лишь чью-то сомнительную шутку и боялся, как бы полиция не попала в смешное положение.

Люди, организовавшие похищение безголовой лошадки, точно пропали в закоулках этого промышленного поселка, где было немало укромных местечек. Синэ и Лями осторожно навели справки среди базарных торговцев. Красавчик и Пепе были неизвестны; по крайней мере, никто не знал их под этими кличками.

Кроме того, было трудно установить слежку за Рубло: он имел автомобиль и вне базарных дней показывался в Люви-ньи очень редко и нерегулярно. Оставались ребята. За ними легко можно было наблюдать во всякое время дня, так как они слежки не боялись. Но и тут Синэ был сбит с толку. Совершенно неожиданно вся компания покинула свое обычное место. Каждый вечер между четырьмя и семью улица Маленьких Бедняков бывала унылой и молчаливой. Инспектор продолжал свои наблюдения, несмотря на насмешки коллег:

он был уверен, что ребята, сами того не подозревая, были вовлечены в подготовку какого-то преступления и поэтому-то вокруг них и вертелись темные личности.

– Что-то произошло в Лювињи на прошлой неделе, в ночь со среды на четверг, – сказал он как-то вечером своему коллеге Лями. – Случилось что-то важное, чего никто здесь и не подозревает.

На всякий случай они оба тщательно ознакомились с кипой донесений, в которых была вкратце отображена работа полиции за всю неделю. Это ничего не дало. Главный выигрыш, как правильно сказал Синэ, не достался Лювињи. За два дня до этого в Париже у киноактрисы Фрэнсис Беннет, когда она выходила из отеля „Ритц“, украли изумруды, а на другой день бронированный грузовик банка Леви-Блок был ограблен на тихой и спокойной улице на шестнадцать миллионов.

– И как раз в ту же ночь в поезде, шедшем из Винтимильи в Париж, было похищено сто миллионов, – заметил Лями, толстое красное лицо которого утратило насмешливое выражение.

Синэ недоверчиво покачал головой.

– История с лошадкой не имеет отношения к таким крупным делам, – сказал он, пожав плечами. – На мой взгляд, она скорее связана с какой-нибудь грязной проделкой, какие часто происходят в складских районах. Вероятно, где-нибудь на пустыре имеется покинутый барак, где воры пря-

чут краденое: двадцать ящиков заплесневелой лапши, бочку прокисшего вина, тюк рванины, вообще какую-нибудь ерунду, которую им трудно сбыть. Ничего больше!

Бригадир Пеко толкнул дверь.

– Эта дама хочет вам сообщить что-то интересное, – сказал он, пропуская в комнату маленькую, симпатичную на вид старушку в черном.

По тому, как она скрещивала и ломала свои сухие руки, раздраженный Синэ решил, что опять в этом районе не своей смертью погибла чья-нибудь канарейка. Он ошибался.

– Я живу на улице Сесиль, – сказала старушка, не теряя времени на ненужные предисловия, – в тупике Суро. Квартал тихий, и я бы не хотела, чтобы он сгорел, как коробка спичек.

– Почему? – спросил Синэ удивленно.

– Вот уже два дня, – ответила старушка, – кто-то жжет огонь в одном из сараев лесопилки. Я не хотела говорить соседям, это их не касается. Я пришла предупредить вас, вот и всё.

– Мы сейчас же поедem, посмотрим, в чем дело, – пообещал ей Синэ. – Идите домой и не волнуйтесь.

Едва старушка ушла, он натянул шинель и вышел в снежную ночь.

Покинутая лесопилка имела только один выход на улицу Сесиль: высокую железную решетку. Синэ легко сбил висевший на ней большой замок, зажег свой электрический фо-

нарь и осторожно пошел по темному лабиринту цехов, натываясь на сгнившие бревна, которыми были усеяны все дворы и проходы.

Ему показалось, что он дошел до забора, стоявшего в глубине тупика. И тут инспектор сразу увидел отсвет скрытого огня на штабелях досок, которыми был завален задний двор. Свет шел из сарая и был достаточно ярок, чтобы осветить сорную траву, щетинившуюся на земле. Синэ не решился прямо подойти к двери. Он медленно передвигался от одного штабеля досок к другому и наконец очутился перед входом. Отсюда была видна вся внутренность сарая, и то, что он там увидел, показалось ему настолько невероятным, что инспектор остолбенел.

Десять неизвестных, закрывших лица карнавальными масками и наряженных в балетные пачки из голубой и зеленой бумаги, кружились вокруг костра. Прыгающие языки пламени придавали фантастический вид лицам из розового картона, подчеркивая их трагическое или шутовское выражение. Посередине круга была воткнута в землю кочерга, увенчанная лошадиной головой.

Люди в масках передавали друг другу большого золотистого, хорошо поджаренного цыпленка. Из своего укромного уголка Синэ слышал лишь приглушенные звуки, но компания казалась шумной. В конце концов одна из масок взяла цыпленка за лапку и сильным ударом ноги отослала его в другой конец сарая. Цыпленок с глухим шумом ударился о

перегородку и упал на опилки. Маски немедленно разделились на два враждебных лагеря и затеяли беспорядочную игру в футбол. Мячом служил цыпленок. Большая маска, видимо атаман всей группы, внезапно прорвала вражескую линию и так стукнула цыпленка, что тот вылетел вон и упал в десяти метрах от Синэ.

Цыпленок оказался картонным и потерял в игре обе свои лапки. Инспектор Синэ не знал, на каком свете он находится. Он не шевелился, и это было его счастье, так как две большие собаки дежурили в переулке.

Футболисты забыли про своего цыпленка и вернулись в сарай, дико крича. Один из них воткнул длинный нож в золу и вытащил оттуда огромную почерневшую картофелину. Это вызвало аплодисменты. Все сняли маски, чтобы приступить к еде, и тут Синэ с изумлением узнал десять ребят из компании Габи. Он решил, что этого открытия достаточно, и тихонько спрятался за досками, решив пока ничего не предпринимать. Несвоевременное вмешательство могло все испортить. Важно было то, что он теперь знает, где пропадают ребята.

Габи был вне себя: он разрешил взять с фабрики Биллетт маски, бороды и пачки, но никак не цыпленка.

– Вы что же, собираетесь всю фабрику растащить?! – ворчал он, прожевывая свой кусок картофеля. – Вы хотите устроить масленицу за неделю до Рождества? Что скажут люди?

– А что тут особенного! – протестовал возбужденный Зидор. – Все равно весь товар отсырел. Ни один торговец его и в руки не возьмет.

– Согласен, – ответил Габи. – Но нечего привлекать к себе внимание. Нечего расхаживать по улицам с поддельными бородами и в картонных цилиндрах! Отныне запрещаю выносить оттуда что бы то ни было без моего разрешения.

– Но мы еще не всё осмотрели! – возразил Жуан, блестя глазами. – Может быть, на складе есть еще что-нибудь интересное.

– А это мы завтра увидим, – ответил Габи. – Только непременно захватите свечи. Пусть каждый принесет по несколько огарков, чтобы можно было все хорошо осмотреть.

Фернан размышлял, не спуская глаз с покрасневших углей, над которыми поднимались золотые язычки пламени. Ему не все было ясно в этой истории с ключом, а большинство товарищей считали находку удачей и не желали разобраться поглубже. Правда, этот ключ только что привел всю компанию в одно из покинутых зданий в самом конце Сортировочной, но при тусклом свете спичек, которые жег Габи, ребята не увидели ничего особенно ценного, если не считать бумажных чудес, которыми была забита кладовая. Начиная с того дня, когда Татав перелетел через тележку дядюшки Зигона, лошадка, даже отсутствуя, вела их от одной неожиданности к другой. А тайна все еще не была разгадана.

– Завтра, – сказал Фернан тихонько Марион, – мы обы-

щем все здание самым тщательным образом... Надо найти.

– Что найти? – спросила Марион, встряхивая свои растрепанные волосы. – Мне наплевать на фабрику и на все товары. Меня только одно интересует: заманить туда воров, которые украли нашу лошадку.

– Меня тоже, – тихо сказал Фернан. – Одно связано с другим.

Габи дал инструкции на завтра. Маски, бороды и пачки сложили в ящик, в „клубе“ прибрали, Зидор потушил тлевший огонь, и вся компания тихонько, в глубочайшем молчании разошлась.

Прежде чем свернуть с переулка на дорогу Черной Коро-вы, Габи внимательно огляделся по сторонам. Никого не было видно.

– Уже темно, – сказал он шепотом, – но все-таки лучше здесь не показываться.

– Слишком уж прятаться тоже нечего, – заметила Марион, слегка подталкивая его локтем.

Первым поднялись на улицу Маленьких Бедняков Татав и Бон-бон. За ними, соблюдая интервал в несколько секунд, пошли Берта и Мели. Зидор, Жуан и Крикэ замыкали шествие. Марион внимательно следила за ними, Габи осматривал часть дороги со стороны магистрали, а Фернан обшаривал глазами участок Пеке. Нигде никого и ничего не было видно. Марион поцеловала собак, дала им по полкусочка сахара и приказала идти по домам. Потом расстались старшие

ребята. Все трое пожали друг другу руки.

– Так! Я иду домой, – сказал Габи. – До завтра, ребята!

– Смотри, не нарвись на Рубло! – смеясь, крикнул ему вдогонку Фернан.

Габи уносил с собой ключ от фабрики Биллетт – знаменитый ключ, который был обнаружен у лошадки в животе. Условились, что каждый будет хранить его у себя по очереди: так неведомому противнику будет труднее его найти. Сам по себе ключ не имел большой ценности – не так уж трудно открыть двери и без ключа. Но желтая деревянная бирка!... Габи, Марион и Фернан отлично понимали, что те мерзавцы разыскивали адрес, который на ней написан. Ну что ж, пусть теперь поищут!

Три вечера подряд ходили ребята на фабрику, и все было благополучно. В нижнем конце улицы Маленьких Бедняков они пролезали под колючей проволокой и пускались бегом к старому паровозу, к Черной Корове. Никто бы не увидел в этом ничего подозрительного. К тому же и пасмурная погода тоже способствовала скрытости. Уже с четырех часов дня поднимался туман и достаточно плотно укрывал ребят от посторонних взоров. Собирались позади старого паровоза, а уж оттуда пускались бегом к складам фирмы Сезара Аравана.

Место это всегда было пустынно. Его оживляли только поезда, замедлявшие ход перед Сортировочной. Между двумя заколоченными складами шла тропинка в сторону дороги Понсо. Габи прислонялся к стене и не спускал глаз с темного

отверстия туннеля, откуда иногда выезжал грузовик или выходили железнодорожники, возвращавшиеся после работы в поселок. Едва только все кругом окончательно стихало, Габи выпускал ребят по двое, наказывая им держаться поближе к железнодорожной насыпи. В пятидесяти метрах от насыпи находилась фабрика Биллетт. Ее зубчатые крыши возвышались над мрачными бетонными строениями. Кто приходил первым, сразу открывал тяжелую дверь, проскальзывал в помещение и ожидал остальных. Когда все бывали в сборе, Габи закрывал дверь, поворачивал ключ в замке, и тогда можно было чувствовать себя спокойно, не боясь непрошенных гостей.

Видимо, до закрытия фабрика работала в полную силу: кругом стояли кадки с коллодием и полужасохшей бумажной массой; верстаки, покрытые разноцветными ленточками и золотой фольгой; на стенах висели щиты, на которых гримасничали маски, а на забрызганном краской полу валялись целые вороха блессток и серпантина. Производство карнавальных принадлежностей прекратилось еще до войны, в печальный год финансового кризиса, но эти остатки прошлого не вызывали никакой грусти у детей с улицы Маленьких Бедняков.

Габи напялил на себя свиную голову и взял в каждую руку по картонному пистолету. Он не испугался, когда из коридора появился лев на маленьких ножках, с тоненьким воротничком из бумажного кружева.

– Кто это? – спросил он льва.

– Это Мели, – ответил лев жеманным голоском.

Фернан вдруг очутился лицом к лицу с феей в черной бархатной полумаске, в старинном головном уборе и с колбасой в руках вместо волшебной палочки.

– Это Марион! – засмеялся он. – Я вижу твои светлые глаза. Они тебя всегда выдают...

Татава интересовали только дудочки. Как только он находил дудку, издававшую надтреснутые звуки, он взбирался на верстак, надувал толстые щеки и угощал своих друзей песенкой, не имевшей ни начала, ни конца. Иногда проходили поезда; их грохот заглушал его слабенькую музыку, тонкие стены фабрики глухо дрожали; потом шум поезда замирал в отдалении – тогда хрипая флейта Татава опять звучала в наступившей тишине, вторя топоту ребят, перебежавших из одного цеха в другой.

Крикэ Лярикэ громко вопил, требуя, чтобы его наградили орденом Большого Зеленого Тюрлютюю первой степени, и становился во фронт. Жуан надевал ему на шею шнурок из гофрированной бумаги, на котором висела огромная белая оловянная звезда, три девочки поочередно производили награжденного в рыцари, и Зидор ударял его плашмя саблей по плечу. Однако посвящение требовало еще одного обряда: Крикэ Лярикэ поворачивался кругом по-военному, наклонял голову, и при одобрительных возгласах присутствующих Габи отвечивал ему удар ногой пониже спины.

Про лошадку почти забыли.

Высоко задрав хвостик, держа в зубах длинную гусеницу из красной газовой материи, в играх принимала участие и Фифи.

Товары на фабрике были сложены в большом темном помещении, которое было отделено от цехов решетчатой перегородкой. Пройти туда можно было только в сопровождении Габи, который не хотел, чтобы ребята все растащили, а главное, боялся, как бы по чьей-нибудь неосторожности не случилось пожара. Так веселились три вечера подряд. При дрожащем мерцании свечи старшие тщательно осматривали шкафы, полки и груды ящиков, сложенных рядами вдоль перегородок. Чего там только не было! Смешные шляпы, игрушки, тещины языки, которые Зидор внезапно запускал кому-нибудь прямо в нос с расстояния в два метра, или букеты, которые Берта Гедеон заставляла распускаться, дую в толстую сигару.

Марион принимала в поисках активное участие. Ее кошачьи глаза все видели в темноте. Передвигая ящики, она заметила в глубине склада дверь, которая вела в чуланчик, видимо ранее служивший раздевалкой. Она его обследовала на ощупь, но не нашла ничего, о чем стоило бы сообщить другим. Случайно тут же появился Бонбон. Он высоко держал огарок, освещавший его смышленную, любопытную рожицу. Марион схватила его за руку.

– Не надо туда идти, – сказала она мягко, но тоном, не

допускавшим возражения.

– Нет? – спросил малыш, поднимая на нее удивленные глаза.

– Нет! – повторила Марион, уводя его. – И не спрашивай почему...

Когда Марион решительно говорила „нет“, никто не решался ослушаться. Сам Габи никогда ничего не предпринимал, не обменявшись взглядом с этой умной девочкой: она была совестью всей компании.

Возвращались поздно вечером, спотыкаясь в воронках, которые остались со времен войны. Надо было вновь проходить мимо Черной Коровы, похожей в темноте на чудовище, присевшее на задние лапы. Это не пугало старших, но малыши замолкали на этом месте и бежали, дрожа от страха.

– Нечего бежать так быстро! – громко смеялся над ними Габи. – Корова вас не съест...

И Черная Корова начинала заунывно звенеть над градом камней.

В котле паровоза была огромная трещина. С передней площадки можно было легко пробраться внутрь. Днем не было страшно, и ребята уже не раз рвали свои штаны и юбки, залезая Корове в брюхо. Однако ночью никто на это не решался.

Накануне вечером, когда они проходили мимо мрачного заржавевшего паровоза, Зидор бросил вызов, на который никто не откликнулся.

– Отдаю свою долю картошки тому, кто пойдет осмотреть котел! – крикнул он.

Татав, Габи и Жуан громко рассмеялись, но вызова не приняли.

А Марион, шагавшая на некотором расстоянии, внезапно закричала:

– Зажгите-ка мне свечку! Посмотрю, нет ли там кого!...

– Не дури! – запротестовал Габи. – Зидор пошутил...

– Помогите мне! – приказала Марион.

Татав подставил ей плечо, и она поднялась на площадку. Видно было, как она медленно прошла вдоль всего котла, прикрывая рукой пламя свечи. Трещина была в тыльной части, в трех метрах от кабины машиниста. Марион сначала посветила, потом наполовину просунулась внутрь. На дне котла было немного застоявшейся воды и лежали обломки труб. Марион подняла свечку и осмотрела уцелевшие решетки и колосники, но ничего особенного не обнаружила. Потом она повернулась в другую сторону.

– Ну что? – кричали ей снаружи.

Марион потушила свечку и, стиснув зубы, направилась к выходу.

– Ничего там нет! – весело заявила она. – Никого! Мне просто захотелось посмотреть...

Она спрыгнула на землю, нашла в траве тяжелый кусок железа и изо всей силы бросила его в продавленную стенку котла.

„Ба-а-у-мм!“ – замычала Черная Корова.

Скоро показалась пустынная дорога, еле освещенная редкими газовыми фонарями, за ней улица Маленьких Бедняков, а дальше, в темноте, лежал город. У колючей проволоки Габи приказал ненадолго остановиться, чтобы дать Марион время сходить за собаками. Как только она вернулась, сопровождаемая Фанфаном и Бютором, все молча пересекли дорогу и направились к Сиреневому переулку.

Как хорошо было в „клубе“ после волнений, пережитых в сокровищницах фабрики Биллетт! Огонь разгорелся быстро и ярко, девочки приготовили бульон из мясных кубиков и сделали тартинки, намазав шоколад на кусочки поджаренного хлеба. Габи старался тем временем разобраться в сообщениях своих товарищей.

Самые важные сведения были получены от Жуана и негритенка, живших в бедном квартале, где было много всякого сброда.

– Вчера вечером, – сказал Жуан, – какой-то грузовичок три раза проехал взад и вперед по дороге Понсо, между вокзалом и Бакюсом. Он шел очень медленно, и шофер как будто что-то искал. Возможно, впрочем, что к нам это отношения не имеет – ведь мы играем по другую сторону вокзала...

– Какой грузовик? – спросил Габи.

– Марки „рено“, крытый серым брезентом...

– А тот был серо-зеленый, – заметил Фернан.

– Рядом с шофером сидели двое, – продолжал Жуан. –

Потому-то мы и обратили внимание.

– Вы их не узнали?

– Нет. Было слишком темно...

– А мне кажется, – сказал Фернан, – что вокруг нас крутятся Синэ и Лями. Вчера вечером, когда я возвращался домой, они шагали по улице Союзников.

– Лучше бы они занялись лошадкой! – кисло заметил Зидор. – Хотел бы я знать, что эти два чучела предприняли, чтобы найти ее...

Марион подняла голову.

– Они, может быть, охраняют нас, сами того не подозревая, – тихо сказала она. – Из-за них те мерзавцы не решаются слишком близко к нам подходить. Если бы мы не заявили в полицию, они бы давно снова напали на нас.

– Почему ты так думаешь? – удивился Габи.

Марион подтолкнула ногой несколько стружек в горящие угли, и сарай ярко осветился.

– Сейчас в Корове сидели двое, – просто сказала она.

Все сразу перестали есть.

– Двое? В Корове? – закричал вышедший из себя Габи. –

Почему ты сразу не сказала?

– Я не хотела напрасно вас пугать, – ответила Марион. – И кроме того, лучше, чтобы они не знали, что мы их видели. Я не могла хорошенько их разглядеть. Мою свечку все время задувало, но все-таки я их видела. Они забились в уголок и сидели там съежившись.

Это сообщение всех напугало.

– Не стоит теперь ходить на фабрику прежней дорогой, – заявил Габи. – Как вы думаете: может быть, они выследили нас?...

– Если бы они были где-нибудь поблизости, они бы не стали ждать наступления темноты, чтобы посмотреть, куда мы идем, – сказал Фернан.

– Этим людям опасно показываться в наших краях, – заметил Жуан. – Они, вероятно, бродили где-то близко, но услышали наши голоса и с перепугу залезли в котел.

– Они там, конечно, и завтра вечером будут прятаться, – сказала Марион. – Но нас это не должно беспокоить. Мы идем полем, и это самая верная дорога. А если идти на Понсо, то никогда нельзя знать, кто еще вылезет из туннеля...

Берта и Мели, Крикэ и Бонбон слушали этот разговор с восхищением, полагая, что речь идет о какой-то новой игре в прятки. Старшим дело, конечно, представлялось более серьезным, но и они не сознавали, какой опасности все подвергались. Для них было важно одно – завлечь жуликов в ловушку, а Марион даже была уверена, что жулики уже сами потихонечку туда идут. О судьбе лошади никто ничего не знал. Но было очень мало шансов на то, что она еще когда-нибудь будет носиться на своих трех колесах вниз по улице Маленьких Бедняков. Поэтому компания решила взять за нее дорогого – все равно с кого...

В переулке пришлось ждать долго: какие-то люди под-

нимались по дороге Черной Коровы, тихо переговариваясь. Время от времени они останавливались и потом опять шли, но медленно, более медленно, чем обыкновенные прохожие. Беспокоясь за своих друзей, Габи решил проводить их до улицы Сесиль.

Тоненькая фигурка Марион направилась в сторону Люви-
ньи Камбруз. Обычно девочка проходила здесь днем, наве-
щая своих собак. Быстрыми шагами шла она вдоль грязных
переулков, бесстрашно перелезала через заборы, заглядыва-
ла во дворы, обнесенные оградой. Легкий свист сквозь зубы
улетал в темноту ночи, слегка заглушенный ветром, который
носился между голыми деревьями.

В этот вечер собаки очень волновались в Люви-
ньи Камбруз, но их волнение ничуть не выливалось в тот злобный
лай, которым они обычно встречают пробегающую кошку
или воров, покушающихся на овощи в огороде. Женщины
беспокойно выглядывали в окна.

– Собака ворчит, – говорили они. – Надо пойти посмот-
реть...

– Ничего, – отвечали мужчины, попыхивая трубками. –
Это та маленькая собачница обходит улицу.

Марион дошла до красивых домов Нового квартала и за-
кончила прогулку в Малом Люви-
ньи. Жуан услышал ее свист
и тотчас вышел на крыльцо.

– Ты что здесь делаешь?

– Сам видишь, – ответила Марион, показывая свою про-

мокшую куртку и забрызганные грязью ноги, – я заканчиваю обход и возвращаюсь домой...

– Ну, как они себя чувствуют? – спросил Жуан, думавший о собаках, как о людях.

– Они страшно волнуются, – сказала Марион со странной улыбкой. – Ручаюсь тебе, мы еще посмеемся.

– У кого ключ? – спросил Жуан.

– Сегодня у Зидора, – ответила Марион.

– Надеюсь, он его не забудет на газовом счетчике.

– Ну, что ты! Он с ним спит...

Глава 6

МАРИОН

Суббота не очень-то приятный день для школьников: отцы с утра ничего не делают и только изучают программы кинотеатров, либо забирают удочки и уезжают ловить рыбу. А в это время в мрачном здании школы господин в очках допрашивает ребят, строго требуя, чтобы они сказали, кто похитил сабинянок или кто убил герцога де Гиза.⁵

В это утро учитель господин Жюст заметил, что лица старших – Габи, Фернана и Задора – хранят сосредоточенное и упрямое выражение. Обычно это являлось признаком того, что ребята что-то задумали на вечер.

В классе для девочек учительница госпожа Жюст обратила внимание на отсутствие Марион, но не удивилась. Это случалось часто: девочка помогала больной матери или еще бог знает кому. В младшем классе учительница мадемуазель Берри внезапно разразилась громким смехом и поставила Бонбона на десять минут в угол за то, что он нацепил большой красный нос в виде земляной груши. Нос был конфискован до конца занятий, но звонок, к счастью, не заставил себя долго ждать.

Никто из ребят не пошел из школы домой. Матери могли

⁵ Имеются в виду вопросы из школьного курса истории.

бы не выпустить их больше, так как с утра стояла собачья погода, а Габи хотел, чтобы вся компания была в сборе. Снег шел не особенно сильный, просто кружились хлопья, и ветер их разгонял. Уже темнело, и от холода синели голые коленки.

Марион поджидала ребят на углу улицы Маленьких Бедняков: она привела их к себе, и у нее они оставили сумки и выпили горячего шоколада. Малыш Бонбон опять нацепил картонный нос и грозно потрясал большим револьвером.

– Нечего тебе задаваться, – насмешливо сказал ему Зидор. – Ты смело мог бы оставить эту рухлядь дома.

– Убить он не может, – с сожалением согласился Бонбон, – но, когда я его сжимаю в руке, мне не так страшно.

Габи осмотрел запасы освещения: пять огарков и две коробки спичек. Всё поделили между собой старшие.

Покуда закутывали малышей, пришла мать Марион, госпожа Фабер. Она не слишком огорчилась, увидев, что в каких-нибудь пять минут пираты уничтожили у нее двухдневный запас хлеба. Марион сказала:

– Мы побегаем, чтобы согреться.

Мать безропотно пожала плечами.

– Идите, – сказала она, – и постарайтесь не сломать себе ноги в какой-нибудь яме... Когда вы катались на этой несчастной лошаденке, я и то была спокойнее!

Ребята пересекли дорогу и открыто прошли все вместе под колючей проволокой на участок Пеке, который в сером свете сумерек тянулся до самого горизонта, как всегда спо-

койный, пустынный.

Габи, Фернан и Зидор храбро шагали впереди, размахивая толстыми дубинками, которые они утащили из деревянного сарая госпожи Фабер. Жуан прижимал к груди длинный нож, которым протыкали картошку. Татав размахивал кочергой. Бонбон стрелял из своего поломанного револьвера.

– Целюсь, стреляю – и бах! Ворона убита! – кричал Бонбон, закрывая один глаз.

„Кар, кар, кар, пр-ромазал!“ – отвечала ворона, улетающая целой и невредимой.

Марион шла позади всех одна, засунув руки в карманы своей старой куртки. По лицу девочки скользила улыбка, но улыбка недобрая.

Дошли до середины участка. Габи шел прямо, не сворачивая с дороги ни на один метр. Однако все почему-то замолчали, и малыши стали держаться ближе к старшим. Черная Корова была покрыта легким слоем снега. Проходя мимо, дети запустили в нее градом камней, и Корова загудела, как большой церковный колокол. Потом все пробежали к складам Сезара Аравана. Однако Марион пропустила товарищей вперед, а сама прижалась к стене и стала напряженно всматриваться в темноту.

Через минуту от Черной Коровы отделились две небольшие, еле различимые тени. Одна торопливо направилась в сторону поселка, а другая, останавливаясь и осторожно огля-

дываясь, пошла по той дороге, по которой только что прошли ребята.

Марион быстро оставила свой наблюдательный пункт и догнала товарищей в нескольких шагах от фабрики Биллетт. Она ничего никому не сказала, только предупредила Габи. Тот открыл дверь склада, пропустил всю компанию и тщательно запер замок, два раза повернув ключ. Было очень темно, и, чтобы проникнуть в цехи, пришлось зажечь все свечи.

Габи остался на пороге посовещаться с Марион и Фернаном.

– Если придут люди с инструментами, дверь не продержится и десяти секунд, – сказал он с тревогой. – Дерево вокруг замка совсем прогнило...

– Неважно, – сказала Марион. – Вы забаррикадируетесь в кладовой и закроете все три двери. Те потеряют не менее десяти минут, а за десять минут можно сделать очень многое. Самое главное – завлечь их сюда и держать взаперти. Остальное я беру на себя...

Фернан покачал головой:

– Я сейчас поднимусь наверх и посмотрю из слухового окна.

Он на ощупь стал взбираться по узкой лестнице, которая вела в пустые помещения верхнего этажа. На середине лестницы было незастекленное слуховое окно. Фернан тихонько высунул голову.

Было темно. Железнодорожные пути освещались слабо.

В поселке еле мерцали желтые огоньки. Фернан прислушался, но пыхтение маневрового паровоза и непрерывное движение поездов заглушали все прочие звуки. Мальчик еще больше высунулся из окна. Внезапно он увидел автомобильные фары. Свет приближался, вырывая из темноты здания складов. Вместо того чтобы свернуть в туннель, автомобиль продолжал идти прямо и остановился перед забором, перегородившим дорогу. Фары потухли. Фернан услышал хлопанье автомобильной дверцы.

– Ты что-нибудь видишь? – спросила Марион. – Дай мне посмотреть...

Она на цыпочках поднялась по лестнице, мягко отстранила Фернана и просунула голову в окно. Со стороны Лювиньи шел второй автомобиль; его фары осветили слуховое окно и лицо девочки.

– Осторожно! – предупредил ее Фернан шепотом. – Тебя увидят...

Этот второй автомобиль тоже прошел мимо туннеля, затормозил перед темной громадой складов и потушил фары.

– Это они! – прошептала Марион.

Она молча протянула руку и указала на что-то снаружи, как раз перед слуховым окном.

Медленно проходил пассажирский поезд. Его огни, мигая, смутно освещали откос. Фернан выглянул: какой-то человек дежурил на насыпи по ту сторону дороги. Он стоял так близко, что у мальчика перехватило дыхание. Человек зажег

электрический фонарик, помахал им несколько раз, видимо подавая кому-то сигнал, потом направил луч на здание фабрики.

Дети прислушались: под окошком тихо поскрипывал песок. Фернан еще раз быстро высунулся и увидел пять темных силуэтов, кравшихся гуськом вдоль стены.

– Они вошли! – прошептал он сдавленным голосом. – Там виден свет.

Фернан и Марион бесшумно спустились и встали под навесом. Вдали послышался неясный гул. Он понемногу усиливался, и в цехах задрожали стекла. Это промчался скорый поезд из Мелена. Земля задрожала, потом стук колес стал затихать и понемногу замер вдали. И тотчас же дети услышали, что трещит прогнившая дверь.

– Беги, скажи ребятам и не заботься обо мне! – приказала Марион. – Хорошенько забаррикадируйтесь в самой дальней кладовой. Вам надо продержаться как можно дольше.

– А ты что будешь делать?

– Я выйду через задний дворик и побегу полями. Не бойся, я скоро вернусь...

Она исчезла. Дверь опять затрещала: луч света показался между створками – их сильно трясли снаружи.

– Толкайте сильнее! – кричал чей-то голос.

Фернан отошел на цыпочках и проскользнул в первый цех. Появился испуганный Габи с огарком в руках.

– Ну как?

– Они там! – прошептал Фернан. – Надо поскорее запечатать дверь!

Но в двери не было ключа. Мальчишки подтащили два верстака.

Снаружи сильно ударили – и обе створки разлетелись. Габи и Фернан одним прыжком очутились в другом цехе. Здесь дверь закрывалась на ключ.

– Им ничего не стоит сломать и эту дверь, – заметил Габи, пожимая плечами.

– На это им потребуются две-три минуты, – ответил Фернан. – Марион сказала, что нам надо выиграть время.

В одном из цехов малыши преспокойно примеряли парики и поддельные бороды, а Зидор переоделся Дедом Морозом. Татав уже сломал дюжину дудочек, Берта и Мели ожесточенно забрасывали друг друга серпантинном, Крикэ нахлобучил себе на голову треуголку, а „генерал“ Бонбон награждал его орденами.

– Хватит веселиться! – грозно закричал на них Габи. – Сейчас явятся те, которые украли лошадь. Марш все на баррикады! Соберите-ка мне весь этот картон, живо кладите его перед дверью.

Перегородка, отделявшая кладовую от цеха, была сделана из крепких деревянных брусьев. Она доходила до потолка. Дверь была двустворчатая, она запиралась внизу и вверху на два больших засова. Но и этого было недостаточно, чтобы остановить натиск нападающих.

Ребята принялись торопливо расставлять вдоль перегородок ящики с масками и всевозможными другими изделиями из бумаги. Более тяжелые они ставили вниз, а легкие – наверх, беспорядочно нагромождая горы разноцветных гирлянд, султанов из конского волоса, японских зонтиков, корон, чертенят на пружинах, змей, цветов из газовой материи, дудочек, трещоток, кастаньет, бород, носов, зубов и всяких других игрушек и забав, какими была наполнена эта волшебная пещера Али бабы.

Оглушительный звон разбитого стекла внезапно послышался из соседнего цеха. Там забегал огонек, по цементному полу застучали тяжелые шаги. Они медленно приближались к кладовой.

– Еще одна дверь, – сказал Фернан, – и мы увидим, какие рожи бывают у людей, которые крадут игрушки...

– Тушите свечи! – шепотом приказал Габи, не находивший себе места от волнения. – И марш отсюда! Спрятаться где-нибудь подальше и не трогаться с места. Кто будет смеяться – задушу!

Давясь от смеха, дети кое-как отошли назад, путаясь среди хлама, который валялся в главном проходе. Все помещение было занято ящиками с товарами. Ящики стояли аккуратными рядами высотой в человеческий рост. Между ними оставались проходы шириной в метр. Эти картонные заграждения не могли ни от чего защитить, но Габи решил про себя, что в случае чего можно будет свалить все ящики в кучу

– и тогда по ним все-таки трудно будет пробраться.

Последняя дверь доставила жуликам много хлопот. Она была металлическая и имела крепкий замок, который Габи запер на два поворота ключа. Чтобы вышибить ее, ворам пришлось использовать верстак: они действовали им как тараном. В конце концов филенка не выдержала, развалилась и рухнула, увлекая за собой всю раму. Раздался страшный треск, так что даже Берта и Мели перестали смеяться.

Габи и Фернан, спрятавшиеся за ящиками, видели, как один за другим вошли воры: мигающий свет временами освещал их противные рожи. Первый споткнулся о валявшуюся на полу свиную голову и с шумом растянулся во весь рост, опрокинув при этом ведро с краской. С досады он плюнул, выругался, прикрикнул на товарищей и, тяжело дыша, встал на ноги. Но оказалось, что у него к носу прилипла белая борода. Неудача, постигшая воров, развеселила ребят, уже начавших было ощущать некоторую тревогу.

– У вас ничего не выйдет в темноте, трусы вы эдакие! – произнес чей-то грубый голос. – Рубильник в нише, выньте филенку, включите свет и снова закройте, чтобы не повредить пломбы... Никто не увидит. До ближайшего жилья восемьсот метров.

Через две минуты вспыхнуло несколько лампочек. Они осветили потрепанные сокровища фабрики и ужасающий беспорядок, произведенный детьми. Воры обрадовались и бросились к решетчатой перегородке. Их было пятеро. Габи

и Фернан без труда узнали Лисицу и Бульдога, одетых в кожаные куртки. Позади них стоял толстяк Рубло, видимо, не очень уверенный в себе. Двое других были в дорожных пальто. Поднятые воротники мешали достаточно хорошо разглядеть их лица.

Красавчик неистово тряс прутья решетки.

– Подлые ребята! Они там забаррикадировались! – проворчал он. – Надо их выкурить!

Он навалился на дверь и бешено колотил по ней дубиной. Но засовы держались хорошо, и дверь не поддавалась. Красавчик бросил свою дубину и приник к решетке лицом.

– Эй! Вы там! – угрожающе закричал он. – Открывайте немедленно, не то я вам уши обрежу!

– Открывайте, негодные твари! – рычал Пепе.

В глубине кладовой ничто не пошевелилось.

– Не так надо разговаривать с ребятами, – тихо проговорил один из незнакомцев, по-видимому вожак всей шайки. – Дайте-ка мне...

Он оттолкнул своих сообщников и с любопытством заглянул за решетку. Единственная лампочка скупо освещала кладовую, шкафы, обитые жестью, и прямые ряды нагроможденных друг на друга ящиков.

– Цып-цып-цып-цып! – позвал жулик, как зовут кур. – Будет вам дурить! Откройте нам, миленькие, мы вам ничего не сделаем!... Откройте, получите сто франков.

Ребята продолжали молчать. Никто не захотел этих ста

франков, а Татав, если бы мог, сам дал бы сто тысяч, чтобы оказаться где-нибудь подальше отсюда.

Зидор и Жуан только что нашли картонку „гранат“. Это были шарики из шелковистой бумаги, наполненные песком и снабженные взрывающейся капсулой. Если бросить такую „гранату“, взрыв получается довольно громкий. Мальчики набрали кто сколько мог и произвели залп по перегородке. „Гранаты“ взорвались одна за другой со страшным шумом. Настоящая пулеметная очередь! Воры были ошарашены и невольно отступили, защищая головы руками, а Габи и Фернан быстро вернулись к товарищам.

– Берите еще! – прошептал им Зидор. – Только переменим место, а то они нас нащупают...

Взбешенные воры опять бросились к решетке. Теперь все они держали в руках револьверы.

– Сейчас мы вам покажем! – крикнул ребятам человек в пальто. – Вот увидите!...

Просунув руки за решетку, воры несколько раз выстрелили наугад, но попали в шкафы. Шкафы раскрылись, и все содержимое вывалилось. А ребятам вся эта пальба только понравилась. Берта и Мели потребовали, чтобы им тоже дали „гранаты“. Обе девочки, Габи, Фернан, Зидор и Жуан по очереди бросали „гранаты“ за решетку.

Рубло и Красавчик проскользнули в соседний цех. Они вернулись оттуда, толкая впереди себя тяжелый верстак, ранее служивший им тараном. Все пятеро вместе подняли его

и, раскачав, ударили им в дверь. Обе створки затрещали, баррикада, воздвигнутая детьми, стала разваливаться.

Великолепная очередь „гранат“ полетела в решетку, сопровождаемая яркими вспышками.

После второго удара тараном оказался поломан нижний засов. Одна створка двери поддалась и оттолкнула груды ящиков. Ребята встали во весь рост позади баррикады и изо всех сил забрасывали „гранатами“ незваных гостей, которые отступили на несколько шагов, чтобы перейти в новое наступление.

– Где же это Марион пропадает? – прошептал Фернан, выгребая со дна коробки последние „гранаты“.

Марион перепрыгнула через ограду и, как кошка, встала на ноги. Теперь уже было совершенно темно, но благодаря снегу можно было различать холмики, ямки и в особенности предательские воронки от бомб, изрывшие все подходы к железнодорожным путям. Марион бежала со всех ног, не спуская глаз с Черной Коровы, видневшейся вдали на слабо освещенном фоне города.

Снежок все еще падал, но ветер прекратился. Временами грохот поездов со стороны Сортировочной смолкал, и тогда наступала обычная деревенская тишина.

Добежав до старого паровоза, Марион остановилась и перевела дыхание, прижимая руки к груди. Потом, засунув оба указательных пальца в рот, она глубоко вздохнула и начала свистать. Ее пронзительный, слегка дрожащий свист по-

крыл шум автомобилей, проезжавших по магистрали, проник в улицы поселка, в тупики, на задние дворы, в садики, сараи и амбары.

Повернувшись к мерцавшим внизу огням, Марион непрерывно изо всех сил свистела. Эхо повторяло ее пронзительный и зловещий свист.

Бютор и Фанфан, два сторожевых пса с фермы Менар, преследовавшие на дороге Черной Коровы большую кошку, первыми услышали настойчивый призыв девочки. Шерсть поднялась у них дыбом. Они оставили кошку, перемахнули через колючую проволоку и молча пустились в мертвую тишину Пеке. В нижнем конце улицы Маленьких Бедняков заерзали двенадцать забинтованных пациентов Марион. Но только проворная Фифи одна сумела перескочить через решетку. Сломая голову помчалась она к Черной Корове. За ней последовали Гуго, Фриц и Цезарь, три самых знаменитых пса с улицы Сесиль. Они обогнули перекресток и скрылись с невероятной быстротой. Динго, старый и не такой уж подвижный пудель сапожника Галли, побежал за ними, злобно рыча. С верхнего конца улицы Маленьких Бедняков одна за другой прибежали Пипет, собачка старика Гедеона, и Моко – фокстерьер Бабенов. А за ними увязались пять уродливых дворняжек из квартала Ферран: Матаф, Доре, Жереми, Урсула и Дринетт. Вся эта свора мчалась во весь карьер, молча опустив головы, и едва не сшибла с ног какого-то одинокого прохожего. Мустафа, кривая розыскная собака угольщи-

ка, пудель Занзи мадам Лювриэ неслись со всех ног вместе с Эмилем и Фидо, двумя бретонскими спаниелями, принадлежавшими мэру, господину Монсо. Псы неслись во весь опор. А Марион все продолжала свистеть.

Гамен, черный с белыми подпалинами пудель господина Жуа, тоже поднялся по дороге Черной Коровы, немного опережая подкрепления, подходившие из Лювињи Камбруз. А эти пересекали магистраль, не обращая никакого внимания на мигание автомобильных фар и скрежет тормозов. Миньон, дог зеленщика Мобера, привел с собой всех собак из квартала Маш, всех этих злобных дворняжек по имени Филю, Канар, Бетас, Флип и Брикэ. А за ними летели овчарки из Нижнего Лювињи, черные, лохматые, угрюмые, злобные: ворчливый Ралёр, пожиратель ворон Нуга, бывший хромой Крокан, желтоглазая Бэлль, безухий, покрытый рубцами Шарло, шелудивый Такэн и похититель кур Канон. Вся эта шайка разбойников с удивительным единодушием неслась по магистрали из одного конца поселка в другой.

Вскоре включились в бег холеные собаки из Нового квартала. Они послали своих представителей – собак с красивой шерстью и подрезанными когтями. Здесь был, например, боксер Отто, чья родословная занимала четыре страницы. Отто съедал по фунту молотого мяса в день. Здесь был немецкий черный дьявол Бэбэ с козьими глазами; Юбер, прекрасно бравший препятствия и четырежды награжденный медалями; борзая Попофф, взявшая приз на собачьих

бегах; грифон Зума, пожиратель туфель и занавесок; пять пуделей разных мастей и самого разнообразного роста, круто завитых, толстеньких и надушенных одеколоном. Все они когда-то болели и прошли через руки Марион. Теперь они с радостью мчались из Нового квартала на свидание с ней...

А свист Марион все еще дрожал в темноте. Он долетел и до домишек Нижнего Лювиньи, и до Бакюса и вызвал приступ ярости у четвероногих забияк этого квартала, у всех беспородных хулиганов и драчунов, которые никого и ничего не боялись и жили как бы вне закона, на задворках, вдали от красивых улиц. Бросив все свои дела, этот сброд ураганом вылетел из пустырей и лачуг, хлынул в центр города, пробежал по Большой улице и улице Пио, свернул на улицу Союзников, ворвался по улице Маленьких Бедняков и запрудил ее всю. Пипи, желтый фоке Жуана, мчался впереди вместе с Артуром старика Шабля, коротконогим уродом с головой шакала. За ними бежали Кайетт, Фризе, Люсиотт, Апаш, Шопни папаши Зигона, Голо, бульдог семьи Лярикэ, старый мопс Адольф, забытый еще во время войны немецкой комендатурой; Полит, Бидарс, Ами, Гро-Пер и другие носители блох, каждую неделю менявшие имя и пристанище.

Укрывшись под грозной Черной Коровой, Марион все еще изо всех сил свистела и свистела, когда к ней подбежали первые собаки. Она смутно видела, как они молча большими прыжками приближались в темноте. Ни одна не лаяла: Марион запрещала лаять. Их бег напоминал шум дождя.

Через несколько минут Марион оказалась окружена собаками. Их трудно было различить в темноте, но все они старались лизнуть ее дружескую руку и вдохнуть запах ее старой куртки. Свист Марион становился все мягче. Собаки из Лювињи Камбруз и из Нового квартала прибежали почти одновременно, а за ними явилась блошиная команда из Бакюса.

Временами далекий свет фар зажигал вокруг Марион множество красных и зеленых глаз, которые кружились, как светлячки. Собаки визжали от радости. Иногда то одна, то другая испускала нетерпеливый визг.

– Тише! – говорила Марион, протягивая к ним руки, как будто обнимая их. – Тише!...

Счастливые собаки все теснее окружали девочку и молча прыгали вокруг нее. А девочка узнавала своих друзей на ощупь, ласкала их, гладила по спине, называла каждую собаку по имени.

– Идем! – вдруг крикнула она и побежала по направлению к участку Пеке.

Собаки пустились за ней по пятам, не смея обгонять ее. Вся свора свернула на узкую тропинку, которая вела на дорогу Понсо. С шумом прошел скорый поезд, за ним потянулись золотистые огни.

Недалеко от фабрики Марион замедлила шаг. Дверь была выбита и зияла в темноте, но слабый свет пробивался через крышу. Из глубины слышались глухие удары. Марион вошла. Ее подталкивали обезумевшие собаки. Тяжело дыша,

они сразу разбежались по всем цехам. Один из цехов, наиболее отдаленный, был наполнен едким дымом.

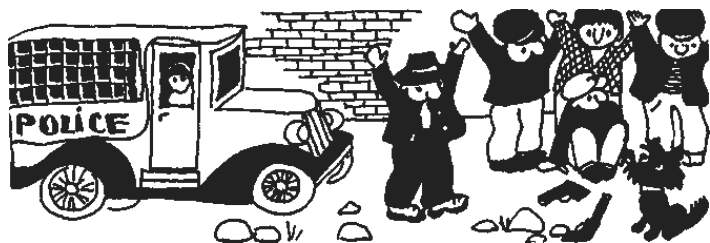
Решетка все еще держалась, но каждую минуту могла упасть. Пять жуликов, крепко держа свой таран, наносили ей последние удары. Вот повалился косяк и увлек за собой баррикаду из ящиков.

– Эй! – крикнула Марион.

Жулики оглянулись и замерли с разинутыми ртами, увидев девочку и ее шестьдесят возбужденных псов.

– Валяйте! – пронзительным голосом закричала Марион своим собакам. – Хватайте этих подлецов, которые воруют игрушки на улице Маленьких Бедняков!...

Собаки ринулись вперед и принялись за работу.

Глава 7

КУРЬЕРСКИЙ ПОЕЗД

Ровно в восемнадцать часов Дуэна сменил на посту 118 его товарищ Гедеон, и Дуэн ушел домой. В это время на Сортировочной обычно бывало затишье. Поэтому выстрелы, крики и глухой шум около самых путей, как раз на мрачном участке Пеке, отец Фернана услышал вполне явственно. Он повернул голову и сразу заметил голубоватый свет в окнах фабрики Биллетт. Это ему показалось странным, так как вот уже пятнадцать лет, как фабрика не работала и здания ожидали сноса. Дуэн поспешно вернулся на пост и дал знать по телефону на вокзал, что на фабрике происходит смертоубийство.

Инспектора Синэ и Лями спокойно сидели в дежурной и грели ноги на радиаторе. Лями только что убедил Синэ, что в такую холодную ночь нет никакого смысла идти с обходом на лесопилку.

Комиссар Бланшон ворвался как раз в эту минуту.

– Знаете фабрику Биллетт на дороге Понсо, номер двести двадцать четыре? Принадлежности для котильона, парики, фокусы, картонажи, искусственные цветы, бальные и праздничные украшения? – выпалил он единым духом.

– Нет, – ответили инспектора таким тоном, который гово-

рил: „И не желаем знать“.

– Ну так вот: немедленно берите машину и шесть человек и поезжайте посмотрите, что там происходит. Меня сейчас известили, что там неладно... И пошевеливайтесь! Я не уйду, пока вы не вернетесь.

Синэ выругался про себя: вот уже три дня, как его разными способами увлекают туда детишки с улицы Маленьких Бедняков. А с ними непременно снова попадешь в эту чертову историю с лошадьё, о которой господин Бланшон и слышать не хочет.

Через несколько минут полицейский автомобиль с решетками пересек вокзальную площадь и выехал на дорогу Понсо, оглашая воздух тревожными гудками. Миновав туннель, автомобиль замедлил ход и остановился у нового забора, перегораживавшего шоссе. А там уже стояло два грузовичка с потушенными фарами. Синэ сейчас же узнал один из них.

– Рубло! – шепнул он инспектору Лями. – Я с удовольствием схвачу его за шиворот...

Восемь полицейских не без труда перепрыгнули через забор и молча пошли по грязной дороге. Впереди выступал бригадир Тассар, отлично знавший местность. На темном фоне ясно вырисовывались два освещенных окна. Подойдя ближе, Синэ услышал крики. Он ускорил шаг, за ним последовали остальные.

Дверь была открыта. Инспектор взял в руки револьвер и очертя голову бросился вперед, в освещенную анфиладу це-

хов, откуда доносились оглушительный шум и пронзительные крики. В тусклом свете он сквозь дым увидел разгромленную кладовую. На переднем плане стояла Марион, дочка мадам Фабер, и с любопытством смотрела в один из углов зала. Синэ повернул голову в ту сторону и увидел огромную свору тяжело дышавших, разъяренных собак, с глухим рычанием возившихся в полутьме. Из этого-то угла и доносились вопли. В глубине, за поломанной перегородкой находились Габи и его товарищи. Они запутались ногами в мишуре и прокладывали себе дорогу, разбрасывая огромные груды картонок, волоча за собой бесконечные ленты серпантина и всякий другой бумажный хлам.

Марион внезапно оглянулась. Она как будто не очень удивилась, увидев полицейских.

– Они там, – просто сказала она, указывая в ту сторону, где рычали собаки.

– Кто? – крикнул совершенно ошеломленный Синэ.

– Воры, – ответила Марион со спокойной улыбкой, – которые украли лошадку...

И она засунула два пальца в рот. Ее звонкий свист точно хлыстом ударил собак. Они отскочили в сторону и покорно окружили ее: головы были подняты, безумные глаза блестели, как рубины.

– Тихо! – сказала им Марион.

Она протянула руки, медленно отвела псов в другой конец цеха, собрала их всех в одном углу и успокоила. Это было

очень кстати: псы находились в таком состоянии, что легко могли тут же пообедать парой полицейских.

– Я их держу, – сказала она Синэ. – Можете спокойно забирать ваших воров. Они свое получили...

Пять жуликов сидели на корточках, прижавшись к стене, втянув головы в плечи; одежда висела на них клочьями. Они находились в таком жалком состоянии, что пришлось силой поднимать их, чтобы поставить на ноги. На полу валялись четыре хороших пистолета. Синэ подобрал их и усмехнулся, заметив голые икры Рубло. У Рубло, Пепе и Красавчика лица были в крови, а руки все искусаны. Двое других тихо стояли, ощупывая свои ноги и бока.

На всю честную компанию надели наручники, а инспектор напустился тем временем на Габи.

– Что вы натворили!... – кричал он, показывая на разгромленную кладовую и выбитые двери.

– То есть как это?! – запротестовал мальчик, покраснев от обиды и злости. – Эти негодяи стреляли в нас!

– Как вы попали на фабрику?

– Вот тебе и раз! У нас был ключ! А у них ключа не было. Видно, им здорово нужно было это помещение, раз они приехали, чтобы отобрать его у нас...

Инспектор не смог ничего добиться от арестованных. Они только ругались и стонали. Синэ прошел в кладовую, с трудом переступая через валявшиеся на полу груды товаров. Мели и Татав оставались в самой глубине.

– Мы не можем найти Бонбона! – закричала Мели. – Идите помогите нам. . .

Синэ встревожился и решил принять участие в поисках. Все ребята присоединились, кроме Марион, – она не спускала глаз со своей своры. Прыгая среди картонок, Габи, Фернан, Зидор и Жуан с бешеным оживлением доканчивали разгром фабрики Биллетт. Случайно инспектор ударил ногой по большой коробке, и с нее слетела крышка. Беленький толстощекий малыш Бонбон лежал, вытянувшись во весь рост в коробке. Увидев Синэ, он пригрозил ему большим револьвером.

– Ни с места, иначе я тебя убью! – сказал Бонбон, зажмуривая глаза.

Синэ бесцеремонно схватил его за ногу и передал старшим.

– Выкиньте всё из шкафов, – сказал он. – Весь товар на пол. Надо найти. . .

– Что найти? – насмешливо спросил Габи.

– Там видно будет, – уклончиво ответил инспектор. – По моему, эта вещь должна сразу броситься в глаза. Ищите!

Мальчики с наслаждением принялись за поиски.

Синэ заметил дверь в темную комнатку, куда Марион запрещала малышам ходить. Туда не проникал свет из кладовой. Синэ зажег фонарь и вошел. Луч фонаря осветил гардеробы, пыльные умывальники и забранное решеткой слуховое окошко, выходившее во двор. Синэ прошел еще дальше

и вдруг зацепился за какой-то предмет, лежавший на полу. Чуть не упав, он схватился за шкаф, и тут свет его фонаря упал на пол.

– А-а-а-а! – во всю глотку закричал инспектор.

На его крик прибежали Лями, двое полицейских и все ребята.

Инспектор стоял, открыв рот. Он по щиколотки увяз в груди кредитных билетов.

Из настежь раскрытого шкафа высовывался большой серый мешок, а из мешка выползали новые пачки кредиток и с тихим шелестом падали к ногам Синэ. Шкаф был набит мешками. Один из них, не удержав равновесия, свалился на пол.

Лями сосчитал: одиннадцать мешков.

– Просто не верится! – сдавленным голосом сказал Синэ.

– И мне тоже! – повторил Лями, срывая перочинным ножом пломбу с нижнего мешка.

Новый поток кредиток покатился с шелковистым шелестом на пол. Полицейские в упор посмотрели друг на друга.

– Это сто миллионов из поезда Париж – Винтимилья!... – пробормотал обезумевший от радости Синэ.

Он обернулся и вдруг увидел ребят, с удивлением заглядывавших в помещение.

– Иди-ка сюда! – позвал он Габи.

Мальчик быстро подошел и без всякого уважения к растилавшемуся перед ним богатству ступал по нему свои-

ми коваными ботинками. Инспектор обеими руками схватил его и принялся яростно трясти.

– Вот уже два или три дня, как вы здесь бродите!... – кричал он ему прямо в лицо. – И вам не пришло в голову обыскать эту комнату?! Вы не видели этих денег? Нет?

– Конечно, видели, – спокойно ответил Габи. – Что из того?

– Что из того!... – рычал инспектор. – Ты не мог прийти доложить мне об этом? Не мог?!

Ошеломленный Габи повернулся к товарищам, как будто зывая о помощи. Марион подошла к инспектору, широко раскрыв глаза, как лунатик.

– Но, господин инспектор... – задыхающимся голосом проговорила она. – Их было слишком много! Мы думали, что они ненастоящие, как все остальное...

Такое простодушие обезоружило Синэ – он сразу отпустил Габи и не нашелся, что сказать.

– Что мы будем делать с деньгами? – спросил Лями.

– Возьми трех человек и перенеси тюки в автомобиль, – ответил Синэ. – Ребята подберут все с земли и наполнят оба пустых мешка. Я остаюсь наблюдать за работой...

Все, от мала до велика, взялись за дело. Возмущенный Габи собирал бумажки охапками и запихивал их в мешки.

– Это мы-то воры?! Недурно!...

– Я этого не говорил, – протестовал немного сконфуженный Синэ. – Но поставь себя на мое место, малыш! По всей

Франции ищут эти сто миллионов, а они, оказывается, здесь, в моем участке! С ума сойти!...

– Сто миллионов!... – повторял Лями с растерянным видом, вскидывая мешок себе на плечо. – Сто миллионов!...

Маленький Бонбон собирал кредитки по одной, осторожно переворачивал их, чтобы разглядеть обе стороны, и бросал в мешок, смело поглядывая на инспектора.

– Можно оставить себе одну или две бумажки? – наконец спросил он с изумительной непринужденностью. – Тут их столько, что не будет видно...

Инспектор Синэ едва не лопнул от злости.

– Если хоть одной не хватит, – зарычал он, – я вас всех посажу, разбойники вы такие!...

Ребята испугались и поникли головами, но девочки втихомолку давились от смеха. Бонбон со страху разразился громким плачем. Немного устыдившись своей грубости, Синэ попытался исправить положение.

– Вам дадут каждому одну или две кредитки. Может быть, и больше, не знаю! – сказал он более мягким голосом. – Прежде всего надо, чтобы банк пересчитал всю сумму. Конечно, будет выдано крупное вознаграждение, и вам тоже будет причитаться. Это вполне нормально. Но придется подождать.

Вдруг в каморку прибежал испуганный полицейский.

– Иди-ка займись своими собаками! – крикнул он Марион. – Они опять начинают волноваться.

Все шестьдесят питомцев Марион разбежались по фабрике, срывая свою злобу на остатках товаров. Зрелище было великолепное: собаки носились среди шелестящих бумаг, рылись в украшениях и потом бегали с воротничками на шее, с длинными бородами в зубах, они грызлись из-за картонного крокодила, бросались друг на друга. Фабрика стала похожа на зверинец, окутанный тучей рыжеватой пыли и наполненный глухим рычанием.

– Это ничего! – засмеялась Марион. – Они просто немного веселятся. Я их сейчас успокою...

Она посвистела сквозь зубы, и в помещении воцарился порядок. Синэ вышел из кладовой вместе с детьми, вынося последний мешок.

– Все! – с удовлетворением сказал он Лями. – На всякий случай вернемся завтра, посмотрим еще раз... А теперь займемся этими молодчиками.

Он указал на пятерых негодяев в наручниках. Они лежали под наблюдением бригадира и его людей в глубине цеха. Тассар открыл шествие, а Синэ и Лями заставили арестованных идти, внимательно их оглядывая.

– Лисица и Бульдог! – с удивлением сказал Синэ, взглянув на Пепе и Красавчика. – Маленькая Фабер была права... А Красавчик... действительно красавчик!

Габи и его компания держались немного в стороне. Высокий Красавчик, подталкиваемый полицейским, был уже около двери. Проходя мимо детей, он повернулся к ним и сквозь

зубы гнусно их обругал.

Тут Фернан бросился на него, свалил наземь и, колотя его по лицу обоими кулаками, громко кричал:

– Где лошадка?... Где лошадка?... Где лошадка?...

Полицейским пришлось успокаивать мальчика, который не переставал дрожащим голосом повторять свой вопрос. Инспектор Синэ побледнел, такое впечатление произвел на него этот внезапный приступ ярости, бросавший свет на трогательную сторону всей истории, на то, о чем он и не подумал, будучи поглощен своими полицейскими интересами.

– Не надо доводить себя до такого состояния, – мягко сказал мальчику инспектор Синэ. – Твою лошадку найдут.

– Вы это уже и раньше говорили! – рыдал Фернан. – А мы всё ждем... Если бы не наша лошадка, мы бы сюда не пришли и вы бы всё еще искали ваши миллионы!

– Как так? – удивился Синэ.

– Ключ-то был в лошадке, – сознался Фернан. – Они это знали! Они потому ее и украли! Но... ничего не нашли.

– Не нашли? – спросил еще более заинтересованный Синэ.

– Не нашли! – повторил Фернан. – Мы с папой выкинули все из лошадки еще несколько дней назад. На ключ папа не обратил внимания, он отложил его в сторону. А потом как-то раз мы с друзьями решили, что этот ключ непременно должен открывать какую-то дверь...

– Прекрасно! – сказал Синэ. – Но еще надо было угадать,

какую...

– Не было ничего легче, – продолжал Фернан. – Адрес был на ключе.

– Это становится совсем уж интересно! – воскликнул Синэ, для которого положение стало совершенно ясным в несколько секунд. – Но как же этот ключ попал к твоей лошадке?

– Этого, – сказал Фернан, шмыгая носом, – никто из нас не знает. Но, может быть, вы что-нибудь об этом знаете?...

Синэ провел рукой по лицу и посмотрел в сторону. Он уже как-то видел эту чертову лошадь, но когда?... Впрочем, на сегодня хватит.

Последним вышел Рубло. Вид у него был довольно жалкий, Рубло уже больше не задавался. Он прошел, низко опустив голову.

– Этому, – издеваясь, сказала Мели, – лучше было бы торговать машинками!

Всем сразу стало снова весело. Длинное лицо инспектора Синэ осветилось кривой усмешкой.

– Вы пойдете со мной в комиссариат, – сказал он. – Это не займет много времени. Вы только все расскажете господину Бланшону и спокойно разойдетесь по домам.

– Надеюсь, к нам не будут придирааться? – сказал Габи вызывающим тоном. – Мы здесь ничего плохого не делали. Мы только играли – вот и всё!

– Вас никто упрекать не будет, – успокоил его инспектор.

– А как насчет моих собак? – без улыбки спросила Марион. – Брать мне их с собой?

Инспектор Синэ с особым вниманием взглянул на странную девочку. Ей еще не было двенадцати лет, она была всего лишь бедной маленькой девочкой, но в ее спокойном взгляде было нечто особое. Лучше иметь ее на своей стороне.

– Отправь собак по домам, – мягко сказал ей инспектор, – раз ты так хорошо умеешь с ними разговаривать.

Марион улыбнулась:

– Я возьму с собой Фифи, она не займет много места.

– Хорошо. Возьми Фифи...

Марион вышла последней, сдерживая собак, которые прыгали, стараясь быть поближе к ней, и молча прошла с ними до самой дороги.

– Идите! – сказала она, хлопнув в ладоши. – Чи-чи-чи!...

На глазах пораженных полицейских вся свора немедленно разбежалась и скрылась в темноте.

Глава 8

ГДЕ ШЕСТОЙ?

Неприятностей, правда, не было, но хлопот выпало много.

Прежде всего, пришлось три раза ездить в Париж, к судебному следователю, и отвечать на вопросы.

Разумеется, сопровождать детей в префектуру пришлось инспектору Синэ, а это было ему не по душе. Несмотря на свое пальто бутылочно-зеленого цвета, на примятую шляпу и на лицо, сильно похожее на лошадиную морду, он смахивал на учителя, который вывел на экскурсию своих учеников. Все сослуживцы смеялись над ним.

Ребята надевали лучшее, что имели, но моды в Париже не те, что на Сортировочной, и Синэ бесился, когда ему приходилось таскать за собой этих десять маленьких чучел.

Следователь задавал странные вопросы, которые не имели никакого отношения к лошадке. Габи, Фернан и Зидор с лукавым упрямством возвращались к этой истории, а следователя она приводила в ярость.

– Слышать больше не хочу о лошади! – кричал он, стуча кулаком по столу. – Меня интересует только одно: где шестой? У нас в руках пять жуликов, но есть шестой, и он до сих пор бегает на свободе. Может быть, вы его видели?...

– Когда было сражение на фабрике, их пришло только

пять, – утверждал Габи и считал по пальцам: – Рубло, Пепе, Красавчик и двое в пальто. Больше никого!

– Если бы мои собаки съели шестого, то от него, наверное, хоть что-нибудь да осталось бы, – добавляла Марион с ангельской улыбкой.

А самые маленькие поместились рядышком на большом диване и так и покатывались. Секретарь тоже с трудом сдерживал смех. Он сидел за пишущей машинкой весь красный.

– Думайте хорошенько! – просил следователь, заставляя себя говорить мягко. – Вы сказали, что до ареста эти люди некоторое время крутились вокруг вас. Трех из них вы хорошо заметили, так как видели их совсем близко и при разных обстоятельствах. Хорошо! Потом вы опознали еще двух арестованных. По вашим словам, они часто бывали в кафе „Паризьен“. Прекрасно!... Два и три – пять. Одного не хватает, а он-то как раз особенно меня интересует. Этот шестой тоже должен был выслеживать вас, как и вес остальные. Видели вы его? Да или нет?

Ребята качали головами, вылупив глаза друг на друга. Но вот малыш Бонбон решительно поднял руку:

– Я его видел!

У следователя как будто тяжесть свалилась с плеч: он вытянул вперед руку, чтобы остановить старших, которые пытались возражать. Он был уверен, что из невинных уст ребенка сейчас вылетит сенсационное разоблачение.

– Кто же это был? – спросил он Бонбона с деланным доб-

родушием старого дедушки.

– Вот этот!... – ответил Бонбон. – Нельзя было сделать двух шагов, чтобы он не следовал за нами по пятам.

И он указал на инспектора Синэ, томившегося от скуки в углу. Сразу поднялась буря веселья. Секретарь держался за бока. Старая машинистка и полицейские с нашивками на рукавах, сидевшие около следователя, покатались от смеха, взглянув на потрясенного Синэ. Бедняга съежился на своем стуле, проклиная день, когда десять малышей с улицы Маленьких Бедняков переступили порог комиссариата в Люви-ньи-Сортировочной.

А следователь подпрыгнул и уставился на инспектора.

– Вот как?! Вот как?! – подозрительным тоном сказал он. – Почему же это вы всё ходили вокруг этих ребят?

Синэ в отчаянии поднял руки к небу.

– Помилуйте, господин следователь! – крикнул он. – Да всё из-за этой истории с лошадю!

Всякий раз неизбежно возвращались к лошади.

Секретарь, машинистка, полицейские и ребята опять расхохотались. Зато следователь выходил из себя. Это было чересчур! Он вызвал привратника и приказал всех вывести.

– А завтра опять надо их доставить? – робко спросил Синэ, с заботливостью наседки собирая вокруг себя своих ребят.

– Не надо! – рявкнул раздраженный следователь. – Проваливайте! И чтоб я вас больше не видел!

Едва выйдя на улицу, инспектор почувствовал, что его обида на следователя прошла, и щедро угостил всю компанию кофе со сливками и горячими рогаликами. В Лювињи вернулись шестичасовым поездом. Ехать было весело.

По предложению Габи вся компания единодушно решила целых шесть дней обходиться без „поляков“, и благодаря этому Марион смогла поднести инспектору подарок в виде коробки сигар с золотыми ободками.

– Пока придет награда! – застенчиво сказала девочка с очень милой улыбкой.

Инспектор был глубоко тронут. Вся десятка выстроилась на вокзальной лестнице и смотрела на него с чувством горячей дружбы и какого-то веселого сообщничества. Синэ почувствовал себя помолодевшим. Этот никогда не смеявшийся человек начал корчиться от хохота, вспоминая все глупые и унижительные вопросы следователя.

– Следователь!... – бормотал он между двумя приступами смеха. – Ох, уж этот мне следователь!...

И все смеялись вместе с ним, а Марион пуще других, потому что обиженное лицо следователя напоминало ей недовольного верблюда. Инспектор Синэ держался за бока при мысли, что сто миллионов, похищенные в поезде, – ничто в сравнении с удовольствием всласть посмеяться вместе с такими милыми ребятами.

– Воображаю, какую рожу скорчил бы следователь, если бы увидел вот это, – сказал Фернан, развертывая пакет, ко-

торый он бережно возил с собой все три дня. – Я ожидал только случая, чтобы сунуть ему под нос голову лошадки...

И он торжественно показал ее товарищам.

Инспектор опять рассмеялся, и ребята дружно ему вторили.

Вечер был холодный, немного туманный, но на площади еще горели огни. Торговцы уже начали укладывать товары, но народ все еще бродил по площади между бараками и палатками. Розовые огни кафе играли между голыми деревьями. Ничего не изменилось. Но была эта удивительная лошадиная голова в руках Фернана, и глаза ее как будто подсмеивались над инспектором. Синэ прошел с ребятами по площади. Габи, Фернан и Марион указали друг другу на пустой угол, где обычно стоял Рубло со своими товарами.

– Я спрятался позади палатки торговца рыбой... – задумчиво сказал Синэ. – Тот человек прошел совсем рядом со мной. Он как будто кого-то искал, но заметил меня и быстро свернул на площадь.

– Рубло тоже вас заметил, – сказала Марион. – Он очень испугался... Это нас всех удивило.

– Вы пошли за этим человеком, – добавил Габи. – Я видел, как вы оба прошли между бараками. Человек ускорил шаг. И вы тоже.

Дети впились глазами в инспектора Синэ, как бы стараясь помочь ему в его попытке восстановить события.

– Так мы дошли до сквера, – продолжал Синэ, указывая

детям на зеленую площадку. – Внезапно этот человек бросился бежать. Он рванулся вперед, как сумасшедший, и давай, давай на улицу Маленьких Бедняков. А тут он наскокил на вашу лошадку, которую вы прислонили к ограде, споткнулся о нее и шлеп наземь... А я навалился на него и стал искать наручники...

– Значит, – сказала Марион, – вас было трое на земле: вы, этот человек и наша лошадь?

– Да, лошадь без головы... – повторил Синэ, осматриваясь кругом с видом человека, который только что проснулся. – Этот субъект отбивался от меня, как черт, я даже получил от него по физиономии. Наконец мне удалось надеть на него наручники, и я дал свисток. Тассар и двое полицейских прибежали сию же минуту...

– Мы не слышали свистка, – сказал Фернан. – Слишком шумно было на площади. Но мы заметили, что Рубло поспешно бросил свой лоток. Куда же он делся?

Инспектор Синэ почесал затылок.

– На улице Маленьких Бедняков никого не было, – продолжал он. – По крайней мере, я никого не заметил, когда поднялся на ноги. Но ведь ты совершенно прав, малыш! Рубло должен был быть где-нибудь поблизости. Не иначе как кто-то нас видел: этого человека, лошадку и меня, когда мы барахтались на земле. Иначе эти миллионы, которые были украдены в поезде, никогда не вышли бы за пределы фабрики Биллетт... Только один человек мог знать, где они спря-

таны, только один! И это был тот, которого я арестовал, – жулик из Малого Лювины. Его уже два месяца разыскивали по другому делу.

– Вот он-то и был шестым! – добавила Марион, глядя инспектору прямо в глаза.

– Да, – согласился Синэ, – он и был шестым! Некто Малляр.

– А где же он? – спросили дети.

Инспектор замялся:

– Уже две недели, как он сидит в тюрьме...

С этими словами инспектор пустился бегом в комиссариат, а ребята остались на площади одни, несколько озадаченные его поспешным уходом.

– Ничего не понимаю, – сказала Мели.

– А тут и понимать нечего, – насмешливо ответил Габи. – Все теперь ясно: этот шестой и положил ключ в лошадку! А ключ стоил сто миллионов!

– Зачем он его туда положил? – настаивала Мели.

– У него не было другого выхода, – объяснил Фернан. – Инспектор сидел на нем верхом, а этому человеку надо было во что бы то ни стало избавиться от ключа. И вот он видит рядом с собой лошадь без головы, с черной дырой на шее. Он и сунул ключ в дыру. Вот и всё! С этой минуты и начались все наши неприятности...

– Лучше бы он бросил ключ в канаву, этот дурак! – вздохнула Мели. – Бедная лошадка не пострадала бы!

А потом стали ездить журналисты.

Вокруг этого дела поднялось много шума по всей стране. Нельзя было раскрыть газету без того, чтобы не увидеть корреспонденции из Лювины, напечатанной крупным шрифтом на первой странице.

– Оно и понятно! – говорил Габи. – Сто миллионов, подумать только! Каждому интересно... Люди готовы удавить друг друга, чтобы только посмотреть, как выглядит такая куча денег! Десять тысяч бумажек по десять тысяч франков! А мы-то с вами видели эти сто миллионов. Ну и что? Ничего особенного! Не из-за чего падать в обморок. А вот о лошадке никто и не говорит. Все смеются над бедной лошадежкой, у которой не было ни головы, ни хвоста. Так что мы на этом деле только пострадали.

Фотографы все время шныряли по улице Маленьких Бедняков и по дороге Черной Коровы. Им хотелось сделать интересный снимок. Назойливые и самоуверенные репортеры по десять раз в день беспокоили ребят на дому или останавливали их на улице, при выходе из школы, стараясь непременно что-нибудь у них выведать.

Однажды группа сотрудников газеты „Франс-Миди“, целых двенадцать человек, в том числе два судебных репортера, задались целью выудить у ребяташек какой-нибудь сенсационный материал, который мог бы поднять тираж газеты. Но дети, даже не сговариваясь между собой, смекнули, что

им расставляют сети.

Под замком уже было шесть преступников, но этого мало. Несомненно, к такому большому пирогу совались и другие. Они пока остаются в тени, но их-то и надо вывести на чистую воду. Поэтому господа журналисты задавали ребятам всевозможные ядовитые вопросы относительно того, как расположены цехи на фабрике Биллетт, как лежали почтовые мешки в кладовой, какой вид имели пачки кредитных билетов и как их подбирали с пола. На эти пустые вопросы, приправленные улыбочками и заигрыванием, ребята давали самые наивные ответы.

Журналисты были разочарованы.

– Ничего с ними не поделаешь! – сказал один из них. – Они не хотят нам помочь...

– Да что вы, мы с удовольствием! – запротестовал Габи. – Но только почему вы всё ходите вокруг да около? Если есть у вас вопрос, который очень уж хочется задать, не стесняйтесь: прямо спрашивайте любого из нас.

Журналист быстро обернулся, надеясь захватить врасплох и огорошить самого маленького.

– Сколько ты взял? – сухо спросил он Бонбона.

Бонбон ничего не ответил. Он только поднял голову, не моргая посмотрел на журналиста, засунул руки в карманы, потом медленно вывернул их, вытягивая между большим и указательным пальцами. На мостовую выпал мраморный шарик, красный нос из картона и грязный платок; к левому

карману прилип запыленный леденец. Это было все. Бонбон поджал губы и громко свистнул.

– А ты?

Татав в свою очередь вывернул карманы и выронил довоенную медную монетку с дырочкой, огрызок карандаша и пустую коробку из-под лепешек от кашля.

Зидор нахмурился и быстрым рывком вывернул оба своих кармана, так что справа и слева поднялось облачко черной пыли. И... больше ничего.

– А ты, парень?

Подобно Бонбону, Габи решил, что удовольствие надо растянуть. Он очень медленно вывернул свои карманы и с большой непринужденностью высыпал из них разные сокровища: пять метров бечевки, три чудные картофелины, приготовленные для „клуба“, и еще не разорвавшуюся „гранату“. Жуан, не стесняясь, показал два пустых дырявых кармана, из которых один был вдвое меньше другого. Журналист все еще продолжал допрос, но вид у него был смущенный.

Вот дошла очередь до Марион. Маленькая собачница была казначеем всей компании и всегда имела при себе несколько франков, но в этот день у нее не было ничего: все деньги ушли на сигары для инспектора Синэ.

Марион медленно вывернула большие карманы своей мужской куртки, выронив при этом два кусочка сахара и совершенно зачерствевшую хлебную корочку.

На Фернанде был праздничный костюм. Мальчик проде-

монстрировал два белых, хорошо проглаженных кармана, оставив их растопыренными, как два крылышка. У Берты и Мели вообще не было карманов. Они ограничились тем, что высунули языки и скосили глаза. Крикэ вращал белками. „При мне два миллиона, и мне очень не по себе“, – как будто говорили его глаза. Все это было притворством. У него, как у Берты и Мели, не было никаких карманов: мать наглухо их зашила, чтобы штанишки дольше держались. Однако ему надо было все-таки доказать свою невиновность – и он поступил еще убедительнее, чем все остальные: он повернулся, наклонил голову, закатал фуфайку и показал господам газетчикам свою тощую заднюшку.

– Сфотографируйте его! – насмешливо предложил Габи.

– Нечего на нас злиться! – сказал старший из журналистов. – Мы делаем то, что нам приказано.

– Понимаю, – добродушно согласился Габи. – Только напрасно вы так старались. Вы, верно, не знаете последней новости?

– Нет.

– Всего полчаса назад радио объявило кое-что интересное: судебный следователь распорядился, чтобы сто миллионов были пересчитаны на глазах у представителей банка.

– И что?

– Три бригады кассиров пересчитали всю сумму и пришли к общему выводу. Ровно сто миллионов!...

– Ровно сто? – недоверчиво переспросили журналисты.

– Нет! – закончил Габи. – И это-то самое смешное: сто миллионов и одно су!

– Это я положил су. Для смеха! – заявил торжествующий Татав. – А они его сосчитали! Я им его дарю! Для меня это пустяк!

И мальчики, как по команде, все сразу засунули свои карманы обратно в штанишки. Доведенные до последней степени раздражения, журналисты поспешно удалились, совсем как Рубло в то утро, когда ребята заставили его сбежать с базара. „Граната“ Габи разорвалась у кого-то из них под ногами.

Дети думали, что их наконец оставят в покое, но на следующий день журналисты явились снова. Одному из них пришла в голову гениальная мысль.

– Что нам надо бы, – сказал он детям, – так это фотография всей вашей компании где-нибудь на участке и со всеми собаками... Можно это сделать?

– Ну конечно! – ответила Марион. Она уже несколько дней ожидала, что от нее этого потребуют.

Репортеры и фотографы расположились посреди участка Пеке, а ребята вскарабкались на ржавые бока Черной Коровы. Марион свистнула. Собаки стали прибывать со всех сторон. В две минуты их сбежалось около сотни, так как время было не позднее и даже комнатные собачки еще не сидели взаперти. Они резво кинулись на охотников за фотографиями и проводили их до самой магистрали. С тех пор в Люви-

ны журналистов никогда больше не видели.

Глава 9

РАССКАЗ О ГРАБИТЕЛЯХ

Компания вновь собралась в своем „клубе“ только в середине января. Стояли чертовские холода, на улице оставаться было нельзя, и ребята с радостью вернулись на лесопилку, в темный сарай. Вскоре там стал потрескивать костер.

– Потише вы! – говорил Габи, стараясь умерить рвение добровольных истопников. – Иначе та старушка сразу вызовет пожарную команду.

Все было вкусно приготовлено: двадцать отборных картофелин пеклись в золе. Большой деревянной ложкой девочки по очереди помешивали в кастрюле шоколад, который варился на медленном огне. Немало жертв потребовалось от всех, чтобы купить его.

– В нем не очень-то много сливок, но будет вкусно, – обещала Марион, вдыхая аромат темноватого варева.

Бояться больше было некого, и она оставила Бютора и Фанфана дома. Охрану несла одна Фифи, но она была слишком занята крысами и мышами, полевыми и обыкновенными, чтобы относиться к своим обязанностям достаточно серьезно. Поэтому ребята были поражены, когда в красном свете костра медленно появилась чья-то тень.

Это был инспектор Синэ. Он подошел, держа руки в кар-

манах своей зеленой шинели и надвинув шляпу на глаза.

– Хочу рассказать вам историю про грабителей, – сказал он угрюмо. – Эти мерзавцы наконец заговорили, и мы теперь знаем всё.

– Неужели?! – воскликнул Габи. – Вы знаете, как эти сто миллионов попали на фабрику Биллетт?...

– Да, мы знаем это и еще многое другое, – подтвердил Синэ, искоса поглядывая на кастрюлю с шоколадом.

Малыш Бонбон подвинулся, и Синэ с видимым удовольствием занял место у костра. Он расстегнул свой плащ и зябко протянул руку к огню.

– Хорошо у вас здесь, – сказал он, озираясь.

– А мы как раз собирались пить шоколад, – улыбнулась ему Марион. – Вы должны его попробовать...

– Не откажусь, – ответил Синэ. – Погода такая, что собаку и ту на двор не выгонишь...

Марион разлила шоколад в чашки, а Берта и Мели пустили их по кругу. Синэ взял свою и немедленно уткнулся в нее носом.

– Не хуже, чем в кондитерской Машерель! – сказал он, прищелкнув языком.

– Мы положили в кастрюлю всего понемножечку, – призналась Марион. – Даже палочку нуги с орехами. На дне осталось самое вкусное. И этот запах дыма тоже не лишен приятности.

Синэ пил шоколад маленькими глоточками, очень мед-

ленно. Ребята дружелюбно смотрели на него, приготовившись выслушать его рассказ о грабителях.

– В деле участвовали шесть человек, – начал инспектор. – Четверо посмелее взяли на себя наиболее опасную работу, а тем двоим надо было только принять награбленное и увезти. Такое дело нельзя подготовить в несколько дней. Поэтому те четверо сновали между Парижем и Винтимильей восемь месяцев подряд днем и ночью, раньше чем увидели, как можно незаметно шмыгнуть в почтовый вагон. Когда с этой стороны все было подготовлено, оставался еще один трудный вопрос: как удрать, когда дело будет сделано. Сто миллионов кредитными билетами в бумажнике не вынесешь. Поэтому жулики решили избавиться от своего груза в пути. Но выбрасывать почтовые мешки из курьерского поезда на полном ходу слишком опасно. Вот тут-то и появляется этот самый Малляр. Он прекрасно знает, что около Лювиньи-Сортирочной поезда замедляют ход из-за поворота и дорога здесь проходит как раз в глухой местности, где можно в полной безопасности орудовать хоть всю ночь.

Стало быть, план операции был таков. Первое – ограбление почтового вагона, как только поезд отойдет от Дижона. Больше остановок нет до самого Парижа. Почтовые чиновники должны быть безболезненно усыплены по методу почтенного господина Скиатта, который является главарем всей шайки и большим знатоком этого дела. Второе – приемка мешков вблизи Лювиньи-Сортирочной: Малляр дол-

жен спрятать их в Бакюсе, в специально для этого снятом домике. Третье – на заре Рубло приезжает на своем грузовичке, забирает мешки и уезжает вместе с Малляром. И они встречаются с другими четырьмя грабителями за Парижем, в Пьерфите, в домике, который им всем известен, и там происходит дележ добычи...

Хорошо. В течение четырех недель вся компания была в полной боевой готовности и только ждала сигнала от Скиаппа. А он получал важные сведения о всяких перевозках ценностей по этой линии. Рубло и Малляр проживали в Лювиныи, но избегали показываться вместе – это было бы для них слишком рискованно. В среду 18 декабря днем Малляр получает условную телеграмму:

МИМОЗЫ ВЫСЛАНЫ СЕГОДНЯ С № 164
ТОЧКА НЕПРЕМЕННО ОБЕСПЕЧЬТЕ ПОЛУЧЕНИЕ
БЫСТРУЮ ПЕРЕСЫЛКУ ТОЧКА ПОДПИСЬ
КООПЕРАТИВ ЦВЕТОВОДСТВО НИЦЦА

Малляр, наблюдавший в последние две недели за движением поездов, заметил, что номер сто шестьдесят четыре подходит к Лювиныи приблизительно без четверти двенадцать ночи и чуть замедляет ход. Все хорошо, час подходящий.

Но с этого-то момента и начинаются неудачи. Так, производя последнюю разведку местности, Малляр с досадой видит, что дорога, на которую должны быть выброшены „миказы“, перегорожена.

Забор, правда, легкий, через него нетрудно перелезть, но все-таки грузовик придется оставить на виду у туннеля, а оттуда иногда выходят запоздавшие железнодорожники. Кроме того, чтобы перенести все мешки, придется несколько раз пройти между тем местом, где они будут свалены, и грузовиком.

Малляр осторожен и труслив; он видит, что работа требует времени и что лучше было бы взяться за нее вдвоем. Он хочет повидать Рубло и попросить у него помощи. А Рубло нигде нет! Он также получил телеграмму от Скиаппа и теперь прячется в ожидании решительного часа.

А время не ждет. Малляр – в тревоге. Он видит только один выход: спрятать мешки с деньгами тут же, на месте – на участке Пеке, в какой-нибудь пустующей постройке. Зимой ночи длинные – он успеет найти Рубло. И через несколько часов они вдвоем вернутся за мешками, соблюдая все необходимые предосторожности. Роясь среди всякого хлама в сараях, Малляр наталкивается на связку ключей от складов фирмы Сезара Аравана и от заброшенной фабрики Биллетт. Теперь остается только выбрать наиболее подходящее помещение. Малляр останавливает свой выбор на фабрике, потому что она стоит в наиболее отдаленном месте, осматривает ее и потирает руки от удовольствия. Великолепный тайник! В случае чего здесь можно продержат груз хоть несколько дней.

– Ага! Теперь все понятно! – пробормотал Габи.

Он был в восторге.

Ребята не спускали глаз с инспектора. Затаив дыхание, слушали они историю, в которой сами принимали участие. Маленький Бонбон не все понимал: ему хотелось знать, почему этот самый Малляр получил двенадцать мешков с кредитными билетами, когда в телеграмме речь шла о мимозах.

– В двенадцать без четверти, – продолжал Синэ, – поезд медленно приближается к Лювињи-Сортировочной. Малляр стоит на посту. Широко раскрыв глаза, он всматривается в темноту. Он еще не смеет верить в успех предприятия. Он не успевает ничего толком разглядеть, как вдруг двенадцать серых мешков скатываются с насыпи и падают один за другим на дорогу прямо к его ногам! Готово! Еще несколько минут, и мешки спрятаны на фабрике Биллетт, в том самом чулане, где мы их нашли. Малляр идет в Бакюс и, как было условлено, ожидает там Рубло. Если тот придет пораньше, они еще успеют перевезти мешки до зари. Проходит ночь. В шесть утра Рубло все еще нет, и он не придет! Ему тоже не повезло: он получил вызов в префектуру полиции. Со страху этот трус теряет рассудок. Он решает, что все дело раскрыто. Он забывает, что преступление, так сказать, еще не закончено. Он не идет на место свидания с Малляром, а поспешно едет в Париж, чтобы обеспечить себе, на всякий случай, разные оправдания, а на другой день является в префектуру полиции. Ложная тревога! Его вызвали, потому что он забыл продлить разрешение на рыночную торговлю. Рубло успока-

ивается и мчится в Лювиньи, в квартал Бакюс, в заветный домик, но никого не находит, потому что Малляр пришел в отчаяние и в поисках своего сообщника с утра бродит по городу. В конце концов Рубло решает выйти со своим лотком на рынок у Вокзальной площади и ожидать событий. Если Малляр где-нибудь поблизости, он не сможет не увидеть его. Около четырех часов приходит посыльный из кафе „Паризьен“ и сообщает Рубло, что его вызывают к телефону. Это Малляр. Он говорит из какого-то бара в Малом Лювиньи и начинает с того, что осыпает своего ненадежного сообщника бранью, потом преподносит ему важную новость: мимозы прибыли, но есть небольшая перемена. „Где они?“ – спрашивает обеспокоенный Рубло. „В верном месте, – отвечает Малляр. – Ключ у меня. Не стоит говорить адрес по телефону. Жди меня у вокзала. Я буду через четверть часа“.

– И вот в этот-то момент мы и пришли, – сказал Фернан. – Рубло лез из кожи вон, стараясь продать свои машинки. А на самом деле он ждал этого мерзавца Малляра.

– Я его тоже ждал, – смеясь продолжал Синэ. – Комиссар Бланшон только что сообщил мне, что Малляра видели на Большой улице. А у нас был приказ о его аресте за старое преступление, которое он совершил еще несколько месяцев назад. Вот я и погнался за ним.

– В одну и ту же минуту, – сказала Марион, – Рубло увидел Малляра и вас. Вы проходили перед окнами кафе. Смешная у него сделалась рожа...

Синэ покачал головой:

– Этому Малляру всего двадцать два года, и у него крепкие ноги, – тихо сказал он. – Мне бы его никогда не догнать. К счастью, ваша лошадь ждала его на углу и подставила ему ножку.

– Лошадка не любит, когда ее толкают! – многозначительно пробормотал Зидор.

Оставался неразрешенный вопрос.

– То, что мы с вами тогда предположили, оказалось правильным, – продолжал Синэ. – Рубло шел по нашим следам до угла. Он видел, как Малляр отбивается от меня и как его рука скользнула лошади в шею. С этой минуты в глазах этих дураков ваша лошадь стоила сто миллионов: она одна знала верный адрес. Ведь из тюрьмы Малляр никак не мог сообщить его своим сообщникам.

Восхищенные ребята заерзали вокруг Синэ.

– Рубло благоразумно скрылся, когда увидел Тассара и двух полицейских. Он подождал, чтобы мы ушли. Тогда он достал бы ключ. Но не успели мы завернуть за угол, как со стороны сквера появились двое ребят из вашей компании.

– Это были Марион и Фернан, – пояснил Габи. – И они не попались на удочку Рубло...

– Не в этом дело! – заявила Марион, призывая всех в свидетели. – Если бы вы в эту минуту не арестовали шестого грабителя, все миллионы улетели бы вместе с ним и никто бы не гнался за нашей лошадкой.

– Да, – восторженно подтвердил Габи, – это вы все сделали! Инспектор наклонил голову, несколько смущенный такими похвалами.

– А все остальное, – сказал он, – вы знаете не хуже меня. Четыре грабителя, которым Рубло сообщил обо всем происшедшем, приехали сюда за своими ста миллионами. Они знали только одно – а именно, что ключ находится в животе у лошади без головы, которая в определенный час появляется на улице Маленьких Бедняков. Дело было очень затруднительное даже для таких прожженных жуликов, как эти.

– А они сознались? – спросил Габи.

– Не во всем, – ответил Синэ. – В ограблении поезда – да! Этим они даже гордятся. А вот о лошади они и слышать не хотят. Ни один из них ее не видел, ни один ее не трогал. Эта лошадь как будто вызывает у них угрызения совести. Они как будто боятся ее...

– Почему? – спросил удивленный Фернан.

– А это довольно любопытная штука! – с лукавой усмешкой объяснил Синэ. – Видите ли, ребята, им крайне неприятна эта история с похищением лошади. Они боятся, как бы эта мелкая кража не повлияла на судей больше, чем все остальное. За сто миллионов они ответят и знают это. Но им никак не хочется получить еще по пять лет добавочных из-за какой-то лошади, которой грош цена...

– А они не хотели сказать, что они с ней сделали, с нашей лошадкой? – грустно спросил Фернан.

Инспектор немного помолчал, раскуривая свою сигару.

– Нет, – усталым голосом ответил он. – Они, верно, закопали ее где-нибудь, как мертвое тело, чтобы насолить вам. И все время их гложет страх. С того самого дня, как они напоролись на эту лошадь, их преследуют неудачи...

– Ах, да все равно! Ведь мы получим награду! – весело воскликнула Берта.

Раскрасневшиеся от огня лица детей повернулись к инспектору. Синэ смущенно покачал головой.

– Не надо особенно рассчитывать на это! – фыркнул он. – Если бы только банк был заинтересован в этом деле, он, может быть, расстался бы с парой-другой миллиончиков. Но, во-первых, банк ничего не обещал; во-вторых, он, говорят, никак не смог сговориться с клиентами, которым деньги принадлежали, а их всего шесть человек. Я-то знаю, как это делается в больших учреждениях: эти акулы в очках начнут тянуть, и в конце концов дело кончится ничем. Не рассчитывайте на награду, вернее будет.

Ребята как будто не очень огорчились. Зидор потихоньку шарил в золе, выгребал пропеченные картофелины и раскладывал их на листе железа. В конце концов пусть этот миллион, на который они надеялись, лежит себе и плодится в банке. Им на него в высшей степени наплевать.

– В общем, это нас устраивает, – с усмешкой сказал Фернан. – Наши папаши подняли бы целую историю, если бы нам выдали награды. Вчера еще мой папа сказал, что это дурной

способ зарабатывать деньги.

– И он прав! – сказал Синэ, осторожно дую на свою горячую картошку. – А кроме того, если поразмыслить хорошенько, то вы неплохо повеселились за эти несколько дней! А в ваши годы только это и имеет значение...

Бонбон с задумчивым видом жевал свою картошку, пристально глядя на пурпурный отсвет углей.

– Чем ты недоволен? – с усмешкой спросил его Синэ.

– Я вот одного не понимаю, – с полным ртом заявил малыш. – Эту историю с телеграммой... Вы думаете, Малляр в самом деле ожидал сто миллионов с курьерским номером сто шестьдесят четыре?

– Ну конечно! – ответил инспектор. – Он дежурил на дороге, и мешки скатились по насыпи.

Бонбон вздохнул:

– Жалко! Было бы смешнее, если бы Малляр вместо мешков получил прямо в рожу двенадцать корзин с мимозами... Прямо в рожу!

А потом наступил самый лучший из всех четвергов. Всю неделю отец Фернана проработал в ночной смене. Он возвращался в шесть утра, спал до десяти, потом вставал, до завтрака работал немного по дому, а к завтраку уже возвращались его жена и молчаливый маленький Фернан.

В это утро Дуэна внезапно разбудил сильный стук. Он впопыхах натянул брюки, побежал открывать дверь и чуть не свалился с ног: он увидел знаменитую лошадку без голо-

вы. Она стояла на своих трех колесах посередине садика.

Дуэн энергично протер глаза и несколько раз подряд закрывал и открывал их. Лошадь не испарилась – это была действительно она.

– Здорово я тебя напугал, а? – произнес чей-то хриплый голос.

И тут из-за угла появилась всклокоченная борода Бляша. Старьевщик, смеясь во все горло, подошел ближе, таща за собой свою тележку, наполненную всякой старой рухлядью.

– Вот не ожидал! – вздохнул Дуэн, растерянно почесывая затылок. – Где ты ее нашел?

– У черта на куличках! – ответил старый Бляш. – На деревенской свалке, около Монжерона. Нас там было несколько человек. А у старьевщиков глаза, знаешь, зоркие. Короче говоря, один тамошний товарищ позвал меня опознать этого зверя. И оказалось, что это точно наша лошадь. Я притащил ее к себе вчера вечером, а утречком, видишь, возвращаю тебе. Она свежая, как роза. Тебе это обойдется в четвертинку красненького...

Они ввели лошадь на кухню и осмотрели со всех сторон. Дуэн с радостью увидел, что „зверь“ не особенно пострадал за время своего отсутствия.

Фернан оставил лошадиную голову на вешалке. Дуэн осторожно приложил ее к шее, край к краю, а старик Бляш немного отошел назад, чтобы получить общее впечатление.

– Положительно, у лошади более внушительный вид, ко-

гда она в нормальном состоянии, то есть без головы, – совершенно серьезно заявил он. – Но, может быть, это потому, что мы не привыкли видеть ее с головой...

– Постараюсь крепко приклеить голову, – заявил Дуэн. – Посмотрим, что скажут ребята.

– Они будут очень рады, – уверенно сказал Бляш.

– Факт, – согласился Дуэн. – Ведь лошадка для них – всё!

Потом, распивая четвертинку вина Берси-Сентюр, они рассуждали об этом деле.

– Помнишь, я говорил тебе в прошлый раз об этом жулике Малляре, – сказал старьевщик. – Он делал вид, что лошадь ему не нужна. Еще бы! Он наскочил на нее в самую решительную минуту: погоня за сокровищем только началась, и вдруг – трах! – он споткнулся, да так, что это ему обойдется в пятнадцать – двадцать лет тюрьмы.

Дуэн сделал маленький глоток и вытер рот обшлагом.

– А я-то каким старым дураком оказался! – просто сказал он. – Ведь этот ключ выпал у меня на глазах, когда я вытряхивал из лошади то, что у нее было в животе! А мне и в голову ничего не пришло. Ключ был ржавый, как и все остальное, а на бирку я не взглянул. Просто поднял ключ и машинально повесил под счетчиком. Всегда, думаю, может пригодиться. А ведь знаешь, как это бывает: уберешь вещь на место и забудешь о ней... Хорошо, что у этой лисички Фернана зоркие глазенки – он вспомнил о ключе через несколько дней. Да к тому же товарищи были там, чтобы освежить ему память.

Вот бесенята!...

Это был один из тех ясных, теплых дней, когда посреди зимы уже чувствуется приближение весны. Над улицей Маленьких Бедняков расстилалось чистое голубое небо, и самые почернелые дома, казалось, посветлели. В третьем часу со всех сторон начали сбегаться запыхавшиеся девочки и мальчики.

– Говорят, лошадка вернулась, – сообщали они друг другу, широко раскрывая изумленные глаза. – Это правда?

– Лошадка вернулась и чувствует себя очень хорошо, – со счастливой улыбкой уверял их Фернан. – Она пришла сама: во всяком случае, папа мне так сказал. Сегодня утром он открывает дверь и видит: лошадка стоит посреди двора... Я верю, что так и было.

– И мы тоже! – отвечали ребята, очень довольные тем, что снова можно играть в старую игру. – Лошадка знает свою улицу.

Фернан открывал дверь и всем показывал любимую лошадку. Его отец приклеивал ей голову пластырем, который он, для прочности, дополнительно смазал клеем.

– Будет держаться! – говорил он ребятам, подмигивая и дымя своим окурком. – Но лучше бы подождать, чтобы хорошенько подсохло.

– Мы не можем ждать, – отвечал возбужденный Габи. – Сегодня четверг, и погода чудная. Понимаете?...

Ребята входили на цыпочках и, затаив дыхание, тихонько

стояли вокруг лошадки.

– Какая она хорошенькая! – говорили они. – Она как будто собирается укусить...

Фифи вставала на задние лапки, деликатно обнюхивала картонное туловище и виляла своим крысиным хвостиком так, что он хлестал всю компанию по ногам.

– Она узнаёт лошадку, – говорила порозовевшая от удовольствия Марион. – Собачка знает, что через полчаса мы все будем здорово веселиться.

– Не придется вам так долго ждать, – уверял довольный своей работой отец Фернана. – Я только еще разок смажу клеем – и готово! Можете снова спускаться вниз по улице со скоростью сто километров в час.

Через несколько минут вся компания торжественно выходила из дома, сопровождая Фернана и его лошадку с приклеенной головой. Прежде всего состоялся совет перед домом Дуэнов: устанавливали порядок очереди.

– Первым спустится Габи, – предложил Фернан, желая всех примирить.

– Да, да, да! – закричали маленькие. – Он заслужил. Он у нас старший. Надо оказать ему честь!

– Хорошо! – со скромным видом согласился Габи. – Я ничего не имею против, но вы на этом, честное слово, не проиграете. Я вам покажу такой спуск, что только держись! Я с разгону перелечу через проволоку и сяду Корове на спину. Вот увидите!

– Только погоди, пока мы дойдем до дороги! – попросила Марион.

– Все вниз! – громко закричал Зидор.

Ребята пустились бегом по улице Маленьких Бедняков, оставив Габи и лошадку, готовившихся к невиданному по смелости спуску.

Солнце весело освещало пустую улицу и широкий участок Пеке, на котором местами уже пробивалась зелень. Черная Корова вытягивала вверх свою погнувшуюся трубу. Стояла чертовски приятная погода! Дети, прижавшись друг к другу, расселись на откосе, подальше от перекрестка, так как никому не хотелось получить на голову лошадь и всадника, когда они вылетят из-за угла.

– Девяносто восемь... девяносто девять... сто! – объявил Зидор. – Он выехал!

Ребятам не сиделось на месте. Маленькие начали радостно визжать, не спуская глаз с дальнего конца улицы.

– Уж конечно, Габи готовит нам сюрприз! – закричал Таттав.

Все насторожились. Легкий ветерок принес шум колес. Этот шум становился все громче, но сразу затих вблизи улицы Сесиль, а потом, на последнем повороте, стал победно нарастать. Еще ничего не было видно, но чудовище должно было появиться внезапно, грохоча, как пушечное ядро.

– Нажимай, Габи! – пронзительно кричали девочки.

– Нажимай! – кричали мальчики, потрясая кулаками.

И Габи нажимал на повороте, пригибая голову к рулю и ругая лошадку недокормленной черепахой.

И – о ужас! По дороге Черной Коровы, в свою очередь, нажимал папаша Зигон, увлекаемый тачкой с бутылками. Он только что выехал с дороги Понсо. Его заметили слишком поздно.

– Остановитесь! – кричали ему ребята. – Лошадь идет!...

– Я уже не могу остановиться! – стонал папаша Зигон.

А дорога Черной Коровы круто спускалась до самой магистрали. Ребята смотрели друг на друга обезумевшими глазами, не зная, смеяться им или плакать.

– Габи налетит! – бормотал Задор. – Ясно и определенно...

– Он затормозит, – сказала Берта. – Он успеет затормозить, когда выскочит из-за угла.

– Габи никогда не тормозит! – заявил Жуан. – Он проскочит справа или слева. Папаша отделается испугом.

– Ах! – вдруг закричали дети, выскочив на откос.

Из-за угла со страшным шумом вылетела лошадь. А тут, позванивая бутылками, вышел на перекресток папаша Зигон. Будто все было заранее предreshено, как в фигуре кадрили. Габи не затормозил, папаша Зигон – тоже, и лошадка бомбой врезалась в тележку – бум!

– Ба-бах! – заорал Зидор, подбрасывая в воздух кепку.

Габи совершил полет через тачку и упал в траву на участке Пеке. Тачка с глухим шумом повалилась набок, все бутылки

сразу высыпались наземь. Зигон застыл посередине дороги. Обе оглобли выскочили у него из рук. Он был вне себя от ярости.

– Так! Вам мало одного раза? – вопил он, топая ногами. – Вы меня подстерегали, чтобы налететь на меня из-за угла, черт бы вас побрал! Смотрите, негодяи! Шестьдесят бутылок в канаве! Шестьдесят хороших бутылок вы у меня разбили, горе мое!

– Не волнуйтесь, папаша Зигон, – ласково сказала ему Марион. – Вы на этом деле выиграете пятьсот бутылок. Я вам покажу, где они спрятаны. Уж это-то мы должны для вас сделать.

Старый Зигон хотел протестовать, но улыбка Марион успокоила его. Фернан, Зидор и Татав катались от смеха.

– Вы видели? – держась за бока, говорил Татав. – Габи не затормозил, нет! Он все нажимал и – тррах! Налетел! Как гром! Держу пари, он это сделал нарочно...

Берта и Мели прыгали и смеялись, обнимая друг дружку. Бон-бон, красный, как вишенка, колотил Жуана по спине.

– Никогда я не видал более красивого зрелища! – в энтузиазме кричал Фернан. – Если бы курьерский поезд вылетел из-за угла со скоростью в сто двадцать километров в час, и то не было бы такого грохота.

Из укромного уголка наблюдал всю эту сцену инспектор Синэ. Он был один и хохотал как одержимый. Веселые ручейки слез скатывались по его тощему лошадиному лицу.

– Уж эти мне ребята!

– Эй, Габи! – кричали за поворотом. – Покажись же наконец!

Габи с трудом встал на ноги, перелез через колючую проволоку и соскользнул в канаву. Он не смеялся и был очень бледен. Все столпились вокруг него.

– Ты ушибся, Габи? – ласково спросила Марион.

– Нет, ничего, – как-то растерянно ответил Габи.

Он протянул руку, указывая на улицу Маленьких Бедняков, на дорогу Черной Коровы, на участок Пеке, на весь этот принадлежащий им мир, с виду неказистый, но освещаемый их весельем и хорошевший день ото дня.

– Все это, – сказал он, – уже кончено!... – И залился слезами.

Дети еще ближе подошли к нему, потрясенные очевидностью его горя, причины которого они не понимали.

– Ведь ничего не произошло, – шепнула Марион, кладя ему руку на плечо. – Ты полетел довольно смешно, это правда, но не стоит так огорчаться. Со всяким может случиться. Вот спроси Татава...

– Все кончено! – рыдал павший духом Габи. – Я ни на что больше не гожусь! Мне минуло двенадцать лет три дня назад, только я никому об этом не говорил. За эти три дня я чувствую, что сделался круглым дураком... Вы видели? Я даже не в состоянии был удержаться на этой несчастной лошаденке... Все кончено! Вам надо искать другого вожака!...

Все ребята громко запротестовали. Марион поднялась на цыпочки и поцеловала большого Габи в щеку.

– Глупенький! – нежно сказала она ему. – Тебе двенадцать лет? Что из этого? Нам тоже скоро будет двенадцать, но это не значит, что нам надо расставаться. Мы будем продолжать вместе расти, вот и всё! Наша компания еще крепка. Посмотри-ка на нас: мы еще не так скоро перестанем баловаться!

– А девочка-то права, – пробормотал стоявший в отдалении старик Зигон, – добрая дружба украшает жизнь...

И сквозь слезы Габи увидел позолоченные косыми лучами солнца девять сияющих радостных лиц: Фернана, Марион, Берты, Мели, Зидора, Татава, Жуана, Крикэ и Бонбона. Он улыбнулся им.

Негритенок обошел вокруг тележки и вернулся к товарищам, что-то прижимая к груди.

– Опять она у нас башку сломала! – с растерянным видом заявил он, поднимая своими черными ручонками лошадиную голову.

Девочки и мальчики вновь покатались со смеху. Они внимательно осмотрели свою лошадку. Она не очень пострадала при падении, но голова отлетела напрочь.

– Она не желает носить голову, это ясно! – безапелляционно заявил Габи и сильным ударом отбросил голову в траву, на участок Пеке.

Инспектор Синэ потихоньку поднимался по дороге Черной Коровы, держась поближе к стенам. Ему немного совест-

но было появиться среди ребят в самый веселый час их игр. Но его появление никого не смутило. Совсем наоборот!

– Эй, господин инспектор! – закричал Зидор, приглашая его подойти поближе. – Не хотите ли покататься?

Инспектор Синэ закрыл глаза, вытянул вперед обе руки, сделал испуганное лицо и со всех ног бросился бежать по улице Маленьких Бедняков.